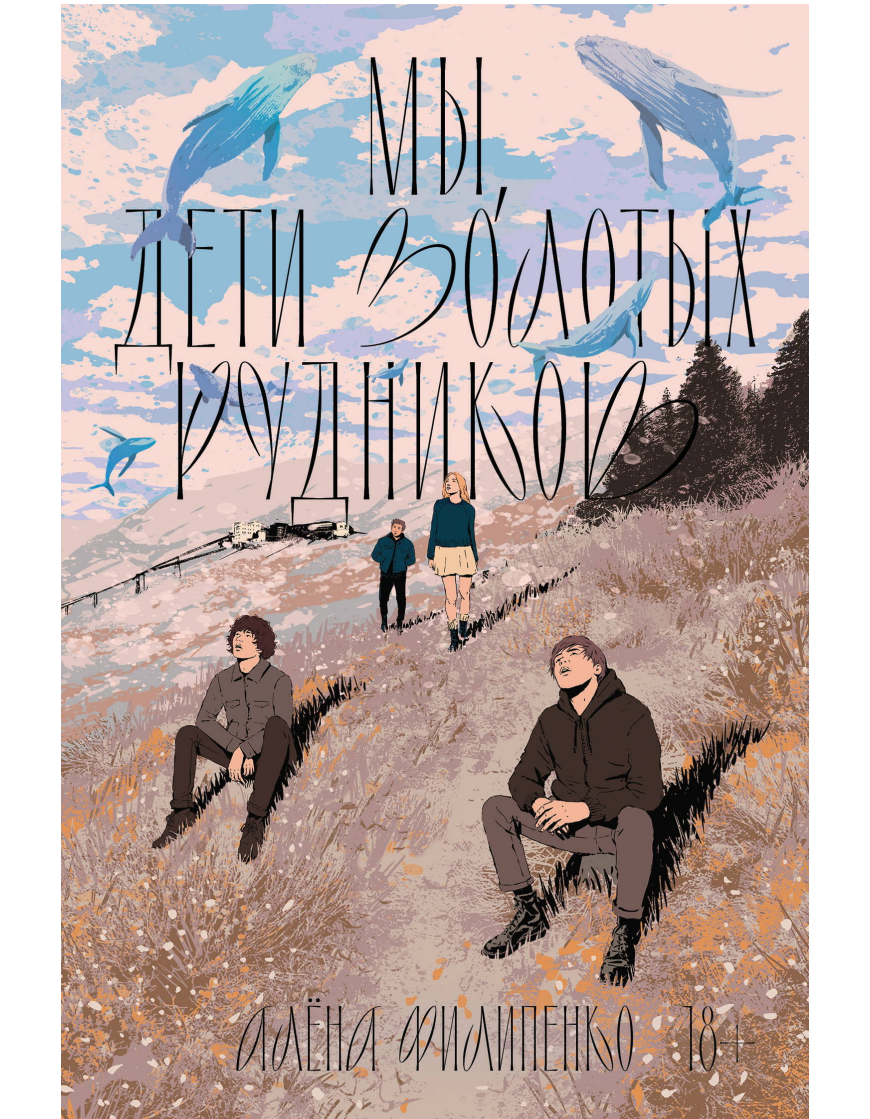

An artistic illustration of a coastal scene. In the foreground, two young men are sitting on a grassy, rocky slope, looking upwards. In the middle ground, a young man and a young woman are walking away from the viewer towards a small building on a hill. The background features a blue sky with white clouds and several blue whales swimming. The title is written in large, stylized letters across the upper half of the image.

МЫ ДЕТИ ЗОЛОТЫХ РУДНИКОВ

АЛЁНА ФИЛИПЕНКО 184

Алена Игоревна Филипенко
Мы, дети золотых рудников
Серия «Истории Алены Филипенко»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74144711

Мы, дети золотых рудников : [роман] / Алёна Филипенко: АСТ; Москва;
2026
ISBN 978-5-04-249313-3

Аннотация

Новый роман от автора бестселлеров «Лишний его в игре» (издано более 120 000 экз.) и «Все не то, чем кажется» (издано более 15 000 экз.)

Дворовые войны, недетская жестокость, разбитые надежды – таково взросление мальчишек из Чертоги, умирающего шахтерского городка. Они знают, что мир не делится на черное и белое, добро и зло: им судьба подарила только ничем не примечательный бетонный серый. Их участь – расти, не зная лучшей жизни, вот только одному из них выпадает шанс вырваться из нищеты.

И тогда те, с кем вчера он стоял плечом к плечу, обернутся против него и его новых друзей. Это станет лишь началом многолетней вражды, где в схватку вступят верность и любовь, долг и чувства.

Добро пожаловать в Чертогу, рай голодных крыс, кипяченого белья и помоев.

Содержание

От автора	6
Книга I	7
Пролог	7
Часть I. Бобер	20
Глава 1	20
Глава 2	35
Глава 3	55
Глава 4	73
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Алёна Филипенко

Мы, дети золотых рудников

Книга издана с согласия автора.

© Алёна Филипенко, 2016

© Издание, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“»,
2026.

Soda Press

Cover art © by Adams Carvalho, 2025

Киту, парящему внутри нас

От автора

Не дайте себя обмануть: хоть история и имеет реалистичный сеттинг («где-то в глубинке России») и описывает жизнь жителей условного маленького шахтерского городка под названием Чертога, который вполне может существовать, мир «Детей рудников» – вымышленный. Устройство этого мира, локации, быт жителей, их манера общения и все-все-все придумано мной, с реальностью этот мир не имеет ничего общего. Законы, по которым он существует, отличаются от привычных нам.

Предупреждаю: это тяжелая и жестокая книга, которая разбивает на осколки все читательские ожидания. Здесь есть герои с серой моралью – и их поступки могут вызвать у кого-то негативные чувства. Я не сужу своих героев. Персонажи этой истории могут не получить того, что заслужили. Потому что судья – это ты, читатель. И только тебе выносить приговор.

Книга I

Пролог

У-у-у... Парнишка, беги отсюда! Этот злющий и кусачий мир, про который я тебе сейчас расскажу, точно не для тебя. В этом мире выживают только парни вроде нас. Ребята с накрепко пришитыми к одежде бирками:

ИЗГОЙ

СОЦИАЛЬНЫЙ МУСОР

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БРАК

ПОДЛЕЖИТ УТИЛИЗАЦИИ

Парни вроде нас. Дети из Чертоги. Потомки ссыльных и каторжан.

Дети, которых выкормили и воспитали шахты.

Да, это мы. Мы, дети золотых рудников. Дай мне руку, парнишка. Или ты девчонка? Если девчонка – не обижайся, но я все равно буду звать тебя парнишкой. Я проведу тебя в свой мир. Мир, в котором ты никогда не был.

Отправимся на окраину Чертоги, на баржу.

Видишь эту ржавую посудину? Эта баржа некогда стояла в чистых голубых водах, заполнявших огромный карьер. А теперь она погрязла в щелочно-цианистых отходах золото-перерабатывающего комбината. Этот отстойник с отходами чертовски опасен, возле него стоят лишь иссохшие скелеты деревьев, а на его берегах частенько можно обнаружить птичьи трупы.

На комбинате работает все наше чертожское бабье. Мужики у нас на рудниках вкалывают, золотую руду выкапывают, а барышни ее в золото перерабатывают. Занятие это довольно вредное: они добытую руду цианируют и выщелачивают, отходы сливают в отстойник, который залит уже до краев и скоро выйдет из берегов. И тогда потоки химической дряни затопят город.

Видишь на барже толпу мальчишек? Все они смотрят вниз, улюлюкают и веселятся. Подойди поближе, и ты увидишь, как у самого края баржи белобрысый мальчишка с перекосенным от ярости лицом держит за шею другого мальчишку и пытается утопить его в шламе.

Другого мальчишку зовут Кирилл Бобров. Вот, теперь ты познакомился со мной. Ты пока что видишь только мои но-

ги – белобрысый по-хозяйски сидит на них. А все туловище погружено в буро-зеленую густую массу токсичных отходов. Руки белобрысого крепко держат меня за шею, не давая поднять голову над поверхностью отстойника и глотнуть спасительного воздуха.

Клейкая цианистая дрянь проникает в нос и рот, ужасно жжет во рту, в носу и глазах. Я колочу по чужим рукам, царапаю их, пытаюсь оторвать их от меня.

Я боюсь. Мне страшно быть погребенным под толщей отходов.

Еще несколько секунд – и мне капец. Цианистый калий, содержащийся в этом шламе, скоро поступит в мой организм и перегорodит воздуху путь к клеткам. В результате клетки перестанут получать кислород, приносимый кровью. Наступит кислородное голодание. Я умру в мучительной агонии.

А чужие руки сдавливают шею все сильнее.

Это руки человека, который когда-то был моим лучшим другом.

Хм. Есть ли где-то на Земле такое райское место, где друзья не топят друг друга в химическом болоте? Где дети не похожи на заболевших бешенством диких зверей?

Есть ли такое место, где парни вроде нас живут нормально, в достатке смогут просуществовать хотя бы до шестнадцати?

Я знаю одно такое место, правда, оно находится далеко, годах этак в десяти-пятнадцати отсюда. Там живешь ты. Или

будешь жить, когда подрастешь.

Спокойный «маятниковый» образ жизни: работа – дом, поход в кино в пятничные вечера и боулинг по субботам, жизнь, в которой самая страшная опасность – это вовремя не внести платеж по кредиту.

О, как же я хочу туда, где нужно думать о том, как приобрести телевизор в рассрочку и как выкроить себе два дополнительных дня отпуска.

Но это так безумно далеко отсюда. Я буду топтать в ту жизнь десять долбанных лет. И тысячи гребанных верст. А пока, здесь и сейчас, парни вроде нас должны как-то выживать... Даже с цианистым калием в крови.

Мы живем в месте под названием Чертога.

В восемнадцатом веке здесь открыли огромное месторождение золота. Из столичных тюрем сюда сразу же отправили целые полчища осужденных. На каторгу.

Осужденные шли пешком длинной узкой колонной. Всех сковали цепями друг с другом, чтобы никто не сбежал.

Восемь тысяч верст ссыльные шли почти три года – это нам по истории в школе рассказывали. И многие вроде как умерли от голода и болезней еще в дороге.

Те же, кто дошел, построили здесь город.

Чертога. Никто не знает, почему это место так называют – то ли потому, что внешне неприветливые предгорья хранят в своем нутре огромное богатство – настоящие подземные чертоги. То ли. Могильная тишина этого места пробирает до

мурашек. Как будто здесь находится обитель самого черта.

Город, построенный на холмах. А холмы у нас тут удивительные – покрытые яркой зеленью, покатые, похожие на волны. По ним туман стелется, как молочная пенка. Красотища. Хоть пиши картину маслом или стих сочиняй.

Справа от холмов – территория рудников. Расположенные на холмистых предгорьях здания, бункеры, подъемные установки, дробильные машины, мастерские и склады образуют надшахтный комплекс. А под землей – разветвленная сеть горных выработок – штольни и тоннели.

Чертога родилась благодаря каторжанам – это они ее выстроили.

Баракы, шахтные постройки, железные дороги, первый завод. Что-то из этого уже разрушено и заброшено, но большинство построек сохранилось. Мы с Архипом в детстве все неработающие шахты в округе излазили. Надеялись найти что-то удивительное: послание от каторжан, золотой самородок... Ничего не попало, конечно, но эмоции все равно били через край.

Архип. Почему конец дружбы означает у нас чью-то смерть? Почему бы людям, переставшим быть друзьями, просто не вернуть все посланные друг другу подарки и открытки и прекратить общаться? Ведь так обычно поступают с бывшими друзьями.

Почему надо убивать, топить друг друга?

Откуда в нас, жителях Чертоги, столько неоправданной

жестокости?

Эх, чтобы разобраться в этом вопросе, наверное, надо копнуть глубже в историю.

Первые три сотни ссыльных построили здесь селение, которому дали название Чертога. Золота добывалось много, создавались новые шахты. Поселок рос. Возводились новые прочные дома, появились школа и больница, сменялись поколения, Чертога процветала.

Но все имеет предел, и наступило время, когда золотая руда в доступных местах подошла к концу. Добыча золота стала убыточной, и власти начали подумывать о закрытии предприятия. Но это ставило под угрозу жизнь всей Чертоги – несколько тысяч человек могли остаться без работы. Им было некуда деться – в округе на сотню миль не было ничего, ни одного рабочего места. Они бы пропали, померли бы с голоду. Власти приняли решение: рудники оставить, но расходы сократить.

Стали урезать зарплату, сокращать финансирование производства. Эх, столько подземных машин пропало – их просто перестали ремонтировать. Мы с Архипом, когда лазили в шахтах, обычно находили много разной техники – причем хорошей, просто съеденной временем.

Чертога стала приходить в упадок. И снова золото начали добывать и обрабатывать по старинке – вручную.

Все, кто посмелее, уехали начинать все заново в более пригодном для жизни месте. Но пять тысяч человек оста-

лись.

Вот в такой Чертоге мы выросли. Бедность. Грязь. Ветхие дома. Разбитые дороги. Безработица. Пьянство. Воровство. Насилие. Даже убийства.

Человек, который не уверен, сможет ли он завтра поест, вряд ли всегда будет добрым. Нельзя осуждать людей за их злобу.

Но злоба в сердца чертожцев вселилась не только из-за бедности...

Я захлебываюсь густой массой. Молочу ногами по барже – противник уверенно сидит на мне и погружает мою голову в вонючий ядовитый шлам. Все глубже. Вниз, к смерти.

Химическая отравка колет кожу. Я будто ткнулся мордой в муравейник.

Воздух. Мне так нужен воздух. Еще немного – и я отключусь.

Ты не устал еще от нудной истории, парнишка? Потерпи, урок скоро кончится. Пока я тут принимаю токсичные ванны, дослушай до конца...

В девяностых годах одна богатая американская Корпорация отправила сюда иностранную бригаду, чтобы вести геологоразведочные работы. Началось бурение скважин. Работа оказалась успешной – открылось новое нефтяное месторождение.

Чертожцы с любопытством и опаской наблюдали за работой нефтяной компании. В сердцах жителей зародилась

надежда на то, что появятся новые рабочие места, на светлое будущее. Но она угасла очень быстро, когда Корпорация, опасаясь, что дикие местные жители, недалекие потомки ссыльных и каторжан, могут нанести урон ее работе, отгородила территорию нефтедобычи сетчатым забором и ввела пропускную систему. Месту, где вырастет нефтяной поселок экспатов, дали название Голубые Холмы.

И тогда чертожцы смекнули.

Прорыв в экономике, коммерческий успех, колоссальные инвестиции, современная сложная техника, квалифицированные работники, строительство дорог, развитие инфраструктуры – все это относится к экспатам и Голубым Холмам, соседу Чертоги. Но не к самой Чертоге.

Пять тысяч человек, не знающие иностранного языка, которые все привыкли делать руками и которые не видели машины сложнее вагонетки, – все они обречены, всем им и дальше предстоит гнить в их болоте. Они никому не нужны – Нефтяная корпорация из разных частей мира привезет сюда своих работников, умнейших и лучших.

И тогда гнев чертожцев обрушился на соседей.

В Голубых Холмах построили первые дома. Фирменные автобусы привезли сюда первые семьи работников.

Чертожцы заваливали камнями новые дороги, вставляли перед автобусами, не пускали новоселов.

Поджоги, вандализм, митинги, на которых чертожцы кричали с яростью и злобой, выступая против того, чтобы по со-

седству с Чертогой строился новый поселок.

Недолго подумав, Корпорация построила за сетчатым еще один забор – теперь уже глухой, из прочного бетона, поставив по всей его длине камеры, а также устроив несколько охраняемых пропускных пунктов.

В объезд Чертоги быстро проложили другую дорогу, чтобы жителей Голубых Холмов ничего не связывало с соседями.

Через три года строительство Голубых Холмов завершилось.

Теперь здесь живут люди со всего мира – из Америки, Германии, Нидерландов, Швеции, Франции...

Что сказать, у них там все круто.

Изумительные дороги, гладкие, будто сделанные из зеркала. Аккуратные домики в английском стиле, с крышей из черепицы и каменным фасадом, выкрашенным в несколько тонов. Дома стоят как по линейке, словно выстроились в колонны и собираются маршировать. Возле домов красуется газон с такой густой и ярко-зеленой травой, будто он находится в собственной климатической зоне, а холода и бури, которые так часто случаются в здешних местах, обходят его стороной.

При строительстве поселка ориентировались на самые высокие стандарты. Все свое, автономное, доведенное до совершенства. Даже пожарные гидранты, водостоки, канализационные люки – и те привезены из США. В домах есть спут-

никовый Интернет, ловят все главные международные телевизионные каналы. Нет трещин в стенах, кривых окон и плохо уложенного асфальта.

На работу экспатов возят на фирменных автобусах, водитель автобуса тщательно проверяет, пристегнуты ли пассажиры. Здесь все соблюдают законы, заботятся о безопасности своих семей.

В Холмах живут очень дружелюбные семьи, по воскресеньям в хорошую погоду они зовут друг друга на барбекю, в плохую – приглашают друг друга в гости.

Голубые Холмы – это маленькая страна, идеальная и правильная. Маленькая скучная община, огороженная прочным забором.

А за ее пределами – мир, где в грязи, болезнях и бедности свой убогий век влачат потомки каторжан.

Вот теперь тебе, наверное, понятно, почему чертожцы так ненавидят экспатов.

Но я не экспат. И больше не чертожец. Чертов перебежчик. И нас таких тут двадцать человек...

Несколько лет назад власти приняли какую-то очередную социальную программу, направленную на внедрение местной рабочей силы в Корпорацию. Они хотели, чтобы мы начали *коммуницировать*, то есть общаться. И в результате после отбора два десятка смышленных подростков из Чертоги отправили учиться в школу в Голубых Холмах, чтобы, получив приличное образование и изучив иностранные языки, в

будущем они смогли стать работниками Корпорации и заменить часть экспатов.

Живем здесь, учимся там. Вот таких, как мы, чертожские дети ненавидят больше всего на свете. Тех, кто растет вместе с ними в одном болоте, но у кого появилась надежда выбраться из него.

И теперь они всеми силами пытаются не дать нам свободу. Крепко хватайся за мою руку. Мы отправимся на несколько лет в прошлое – когда Голубые Холмы только начали строиться. Мне тогда было лет восемь. В тот период я и познакомился с Архипом. Это было очень крутое время... У меня никогда в жизни не было такого классного друга, как Архип. А потом, когда я прошел отбор в школу в Голубых Холмах, дружба закончилась, и Архип очень захотел меня убить. Он стал убивать медленно, отрезая по кусочку.

Нам, перебежчикам, приходится несладко после отбора. У нас теперь всегда потные ладони, по всему телу – синяки, а сердце норовит вырваться из груди. Дети рудников нам мстят, причем жестоко. Мстят за то, что мы перестали быть с ними в одной лодке. Мы всегда начеку, в наших головах ежеминутно крутится одна-единственная мысль: «Бежать».

Архип быстро нашел мне замену – его близким другом и верным псом стал этот урод Кит Брыков. Бешеный психопат с мутным взглядом. Ох, когда я вспоминаю это имя, сразу же в боку колет. Брык однажды своими тяжелыми ботинками сломал мне два ребра. Сейчас его на барже нет – но если бы

он был, то не дал бы Архипу делать эту грязную работу, сам бы утопил меня в шламе. Но Брык где-то шляется. Даже не знает, что на барже сейчас происходит нечто интересное.

Итак, нас уже трое. Я, Архип и Брык.

Кто же четвертый?

На этот раз девчонка.

Милая немочка по имени Ханна. С очаровательными светлыми волосами, белесыми бровями, выдающимися скулами и таким острым подбородком, что мне всегда было интересно – если поднести воздушный шарик к подбородку Ханны, лопнет ли он?

Очаровательная девочка, переехавшая вместе с семьей в Голубые Холмы из промышленного района Франкфурта. Девочка с огромным сердцем, которой не сиделось на месте, ведь ее смыслом жизни было спасать и помогать. Вот почему ей был очень интересен мир рудников: она хотела всем помочь.

Девочка, чью жизнь Архип очень старается превратить в ад. Он ненавидит Ханну так же, как и меня. За то, что она – немка. За то, что она – из Голубых Холмов. За то, что у нее есть все. За ее смелость и наглость – как она посмела покинуть свои Холмы и ступить своей поганой экспатской ножкой на земли, принадлежащие рудокопам?! И самое главное: он ненавидит ее за то, что она – девчонка.

Ханна тоже находится сейчас на барже. Стоит чуть в стороне, трясется от страха. Вся в грязи. Губы разбиты – ей здо-

рово досталось от Архипа.

Мы с ней оба попали в лапы зверю. Нам не выбраться. Я тону в химическом шламе и молю бога о том, чтобы Ханну миновала такая же участь.

Ну что, ты готов?

Хватайся, и я покажу тебе нашу историю. Историю четырех детей золотых рудников.

Часть I. Бобер

Глава 1

Меня зовут Кирилл Бобров. Мне восемь лет, моя мать-подзаборница родила меня от прыщавого дегенерата и через некоторое время свалила с ним из Чертоги, прибавив старческой заднице дедушки двадцать кило молодого геморроя.

Я – эгоистичная сволочь, дегенерат во втором поколении, жеумок, не живу, а нежусь, как курочка в сметане, и даже не думаю о том, что дедушка пашет как раб на галерах, чтобы я каждый день жрал луковый суп с фрикадельками. Этими словами мой дед любит меня поносить, прерываясь на затяжные приступы кашля («Чертова асыма! Проклятые рудники!»), когда находится в особенно ворчливом настроении. Когда я медлю или ленюсь, когда разбиваю тарелку, или рву штаны, или от скуки начинаю ковырять вилкой в розетке, или играю с газовой горелкой – в общем, делаю что-то зачупатое, что прибавляет дедушке еще немного геморроя.

Из-за прежней работы на рудниках дед теперь все время кашляет, да так влажно, что я всегда думаю, что внутри легких у него целое болото с кувшинками и лягушками.

Асыма – это вам не шутки.

Но сейчас на рудниках дед больше не работает. Когда в

Чертогу понаехали экспаты и стали строить тут свои Холмы, дедушку посетило прозрение. Он понял, что необязательно гнить в шахтах за два кило лука и сто грамм фарша. И что деньги можно получать куда менее тяжелым способом. Но для этого я должен перестать быть эгоистичной сволочью и помогать дедушке в нашем новом бизнесе.

Мы живем в районе Чертоги, который называют Старичья Челюсть.

Добро пожаловать в рай голодных крыс, кипяченого белья и помоев!

Старичья Челюсть – это несколько бараков с двором-пустырем на каждый.

Наши бараки натыканы беспорядочно. Наверное, если смотреть с высоты на эти старенькие деревянные хибарки, они будут похожи на несколько трухлявых пеньков во рту старого бомжа. Вот так у нас: вместо домов с ровными стенами – какие-то гнилые огрызки. К баракам жмутся кривобокие сараи, покореженные гаражи, за домами находятся огороды, обнесенные самодельным забором – шифером, проволокой, листами железа и даже автомобильными шинами. На огородах местные выращивают нечто внешне напоминающее труху. Где-то за нашим с дедом бараком тоже есть грядки, там летом даже растут малюсенькие морковки.

Хлоп-хлоп-хлоп.

Это хлопает деда по заднице огромный холщовый рюкзак. Я иду сзади и вижу, как с каждым шагом рюкзак бодро под-

прыгивает. Вверх-вниз. Вверх-вниз.

Мы с дедом топаем на работу. Это дико круто – иметь работу, когда тебе всего восемь и ты совсем еще шпендик. А особенно круто – в восемь лет иметь собственный бизнес. В дедовском рюкзаке – уйма всего: садовые перчатки, рыбацкие сапоги, шапка-ушанка, раскладной стульчик и старенький баян. Это все пригодится нам для работы.

Мимо проезжает дребезжащий грузовик, набитый людьми, – это на рудники везут работников.

Но нам не нужно туда. Мы идем в Голубые Холмы, в поселок экспатов. Войти в Холмы непросто: от Чертоги экспатов отделяют река и сетчатый забор, на мосту сидит охрана, которая дает разрешение пройти только тем, у кого есть пропуск. Естественно, у нас его нет. Но мы идем другим путем – через лес – и оказываемся на заброшенной гидростанции. Все, что от нее осталось, – четыре каменных столба в реке, шлюзы и плотина. Здесь мелко, по пояс, можно перейти реку прямо по плотине – вот для чего нам нужны рыбацкие сапоги.

Цепляясь руками за железные перекрытия шлюзов, пробираемся через бурлящий поток. Ноги вязнут, вода пытается унести меня вбок.

Ух и сильное тут течение! Капли в лицо брызжут. Холодные! Я морщусь и жмурюсь.

Преодолев препятствие, мы оказываемся во владениях экспатов – в Голубых Холмах.

У них здесь все другое, даже воздух как будто теплее и чище.

Мы выходим из леса на середину дороги, которая соединяет поселок и нефтяное месторождение. Вокруг – поля, на которых стоят нефтекачалки. Это такие железные монстры, похожие на динозавров у водооя, которые монотонно и ритмично наклоняют к земле и поднимают к небу свои морды.

Дорога приводит нас на главную площадь – сюда автобусы привозят работников. Рядом располагается завод при месторождении. Вот здесь, на площади, наше рабочее место. Здесь всегда полно народу по утрам. То, что нам нужно.

Дедушка достает из мешка рабочие инструменты, плюхается на стульчик, ставит на колени баян.

Для разогрева пару раз проходится по кнопкам своими толстыми пальцами.

– Ну давай, Кирюшка. Запевай.

Я встаю спереди. Кладу на асфальт перед собой перевернутую ушанку.

Смотрю на проходящих мимо людей. Все спешат на завод. Это странное чувство – видеть таких непохожих людей. Они все из разных стран, из разных уголков Земли. И все почему-то приперлись в наше захолустье.

Дед начинает играть. Я ловлю ухом нужную ноту и громко запеваю.

Начинаем с русской частушки. Потом переходим на народные песни всего мира. Тут вам и французская «Жила-бы-

ла пастушка», и американские «Янки-дудл» и «У старого Макдональда была ферма», и немецкая «Рыбачка Боденского озера», и еще много всего. Мне безумно нравится французская рождественская песня про ангелов из деревень, мы с дедом слушали пластинку, там детский хор ее обалденно исполняет. Вот только петь ее приходится так, будто тебе яйца прищемили, – тонко и завывающе.

Деда наяривает что надо. Ему бы по кабакам играть. Никогда не думал, что баян может звучать то так бодро и заводно, то протяжно и мелодично.

Обычно больше всего дают за веселые песни, но грустная про ангелов экспатам почему-то тоже нравится. Видимо, она мне очень хорошо удастся, голос получается – закачаешься. Как по краю бокала смоченным слюной пальцем водишь – чистый звук, высокий.

Но вообще песня про ангелов зимняя, рождественская, а нам до зимы еще ого-го сколько жить. Песни должны попадать в сезон, и раз сейчас наступает лето – нужны заводные летние песенки.

Вот так мы и работаем – дед играет, я пою, развлекаем спешащих на работу экспатов, которые в благодарность или из жалости бросают нам в шапку монетки. А по-другому в нашем захолустье как выживешь-то?

Мы подумываем над ди-вер-си-фи-ка-ци-ей нашего бизнеса (ух, слово-то какое заумное!). Нужно расширять сферу, а то мы все поем и поем. И деда кое-что придумал – он

научился делать гигантские мыльные пузыри: для этого нужен таз с хорошим мыльным раствором, секрет которого – в добавлении глицерина, две палочки, между которыми нужно привязать веревочку так, чтобы образовать петлю. Вот с таким набором получаются мыльные пузыри во весь рост и даже больше!

Дед уже все смастерил, у нас во дворе тренируется – пузыри получаются что надо!

А меня он учит жонглировать шариками. Скоро мы будем настоящим передвижным цирком.

Только вот пока мы с нашим цирком никому не нужны – народу в Холмах еще мало, и люди собираются в кучу только на этой площади, но тут все спешат, и никто не будет смотреть концерт. А нам нужно такое место, где люди будут собираться толпой и отдыхать, не спеша гулять или сидеть на лавочках, чтобы было кому показывать наше представление. Пока такого места в Холмах еще не устроили. Но по предположениям деда, этим летом должен появиться парк для отдыха.

Пока что у нас с дедом тут певческая монополия, никто больше до такого не додумался. Конечно, скоро народ просечет, и поползут сюда через плотину все, кому не лень побираться у богатеньких экспатов. Но пока что конкурентов у нас нет, и нас не очень-то гоняют. Нет, конечно, попадают такие стражи порядка, которые нас прогоняют и даже штрафами грозят. Но в целом относятся хорошо, даже суро-

вым стражам нравится такой квартет: дедушка, внучок, баян и ушанка.

В шапку сразу начинают сыпаться монетки. В основном кидают русские, но иногда попадаетесь и заморская валюта.

Мы с дедом работаем на площади до десяти-одиннадцати, потом ловить нечего – все на заводе. И мы сворачиваемся и идем в сам поселок на другую работу. Идем так, чтобы кому не надо на глаза не попасться.

Поселок строится... Повсюду стучат молотки, жужжат дрели, грохочет тяжелая техника. Готова только та часть, что ближе к реке и к границе с Чертогой.

Дома тут – загляденье. Я такие только на открытках видел. Яркие, с ажурной отделкой, как пряничные домики. А газон. Прямо альпийские луга из рекламы про масло «Анкор».

– Кирка, ты чего зазевался? В оба гляди, – ворчит дед. Ах да. Мы же на работе – надо глядеть в оба.

В чем заключается наша вторая работа?

Стащить то, что можно продать. Мы не ворует – берем то, что уже не нужно, например, что осталось после стройки. Очень ценится алюминий, а после стройки здесь столько всего из алюминия осталось: трубки, проволока, обрывки кабелей. Все это мы потом почистим, отделим лишние детали и понесем в скупку дяде Диме в его вагончик.

Мы заходим в строящийся поселок со стороны леса – в конце его тут огромная куча строительного мусора. Копаемся в ней, выбираем полезный хлам.

Сделав работу, выходим из поселка через главный вход. И ахаем. Въезд в поселок сделан в форме арки из разноцветных камней, а возле арки. Стоит корова! Мы ее раньше не видели.

Огромная корова, скрученная из проволоки, с обмотанной вокруг нее гирляндой из лампочек. Она тут, видимо, для красоты и по вечерам должна освещать парадный въезд.

Тарашусь на корову. Роднуля, ты должна быть нашей! Не знаю зачем, но должна.

Мы с дедом переглядываемся. Озираемся по сторонам.

Через минуту на въезде в поселок снова пусто – ни меня, ни деда, ни коровы из проволоки. Вместе с новой подругой мы радостно улепетываем обратно в свой лес.

Корова большущая, тащить ее неудобно. Она вся какая-то неуклюжая. Постоянно спотыкаюсь о корни и шишки. Дед держит корову за голову, а я ее тащу за зад.

Обратная переправа через плотину дается нам с трудом. Делаем пару заходов, перетаскиваем сначала добычу со стройки, потом корову.

Наконец подходим к барaku.

Входим в наш подъезд. На лестнице не хватает двух ступенек, они уже давно сгнили и провалились. Нужно об этом помнить, иначе, если вовремя не перепрыгнуть дыру, полетишь вниз бомбочкой. С коровой поднимаемся вверх с особой осторожностью.

Дома у нас много забот. Корову выпихиваем на балкон –

потом решим, что с ней сделать.

Прохожу на кухню – по пути прыгаю по коридору. Пол здесь такой шаткий, что на нем здоровски прыгать – как на батуте.

На кухонный стол вываливаем из шапки все, что заработали. Тут и рубли, и копейки, и заморская мелкая валюта: сантимы, пфенниги, центы... Попадается также деньга покрупнее – франки и марки. Все это надо разложить по кучкам и посчитать по нынешнему курсу. Дедушка этого сделать не может – подслеповат стал. Так что финансами у нас занимаюсь я.

Считаю деньги, а дед сидит рядом и курит беломорину – от этих папирос пальцы у него в желтых пятнах.

После подсчета нашего заработка мы все деньги прячем – запиховаем в ящик с инструментами и присыпаем сверху гвоздями.

Потом садимся обедать – вчера наготовили целую кастрюлю лукового супа с фрикадельками. Я весь изревелся, пока лук резал.

После обеда вытряхиваем на пол из рюкзака алюминиевую добычу. Принимаемся чистить лом от засора, так как за чистый алюминий дают больше денег. Снимаем изоляцию с кабелей, убираем лишние детали.

Через час работы пальцы немеют.

Справившись, тащим чистый лом к дяде Диме, в его вагончик за бараками. Здесь у дяди Димы пункт приема. Мы

ему – нашу добычу, он нам – денежку. А еще протягивает мне скрученного из проволоки слоника. У меня уже шестнадцать разных зверюшек, эта поделка – семнадцатая. Дядя Дима очень круто мастерит зверюшек из скрутиков и потом дарит их детям наших дворов. Лучше всего у него получился жираф, он сделал его для Маринки из шестого дома. Все дети со двора ей обзавидовались. С тех пор за Маринкой всегда толпа ходит. Просят ее обменяться. Ей предлагают даже две, а то и три разных зверюшки за ее жирафа. Но она всегда отказывается.

Во дворе мы часто устраиваем соревнования – играем в городки, на кон ставим зверюшек – победитель получает в награду одну из поделок. Так что зверюшки провололочные – это у нас, детворы местной, такая своя валюта.

Я ставлю нового жителя на подоконник, у меня тут целый зоопарк. Самый клевый в нем медведь, я его в городки выиграл. С первого броска выбил «часовых», так мало у кого получается.

У нас все помешаны на городках – потому что это такая игра, которую себе может устроить каждый. У нас с дедом тоже где-то есть городки – он их мне из березы выстругал. Но они не модные, поэтому я их не беру. Модные у Катьки – ее батя сам покрасил городки и битую разноцветными красками. Так что мы обычно Катькиными играем, таких ни у кого нет. А березовые – они есть у всех, это не клево.

Начинаю делать уроки – все мои ровесники уже давно

ходят в школу, но я сижу на домашнем обучении. Дед – учитель суровый. Ремнем, полотенцем и скрученной газетой прохаживаясь по моей заднице, дед помогает усваивать новые знания. Письмо, математика, английский, история и география... Дед говорит, что только с помощью мозгов можно выбраться из болота, в котором мы живем. Но местные школы этого якобы дать не смогут.

А мне нравится то, как мы живем. И выбираться отсюда я совсем не хочу.

После учебы иду во двор, показывать друзьям новую зверюшку.

Каждый двор имеет свое название. Наш – Корабельный. По весне, когда тает снег, пустырь затопляет так, что вода до колен достает, а где-то и выше. Водослив уже года три как забит, вот нас и топит. Даже резиновые сапоги не спасают – люди перед выходом из дома ноги обматывают пленкой, чтобы не намокнуть.

Я очень горжусь нашим двором. Все дети из округи собираются здесь на корабельные соревнования. Мы с самого Нового года к ним готовимся. Строим игрушечные корабли, красим их, делаем паруса, придумываем названия. И в апреле у нас начинаются настоящие морские бои. В море встречаются два противника-корабля, задача каждого – потопить чужое судно. Но просто так они, конечно, не тонут – мы им помогаем. Каждый «адмирал» стоит на своем берегу, и в ход идет все, что попало под руку: камни, комья грязи или сне-

га. Главное – попасть во вражеское судно, чтобы оно накренилось, зачерпнуло воды или чтобы волна от удара сбила парус. Если корабль противника тонет или переворачивается вверх дном – значит, победа.

Выигравший сходится со следующим противником, и так далее, пока не останется самый последний – он и становится победителем.

Победителю гарантированы почет, слава и уважение на весь год. Я не выигрывал ни разу, хотя мы с дедом строили всегда самые крутые корабли.

Сейчас май, вода утекла, грязь подсохла. Наш двор стал скучным, поэтому теперь все дети перешли в соседний. Он называется Королевским. Тут очень чисто и даже есть асфальтированная площадка – на ней мы все лето играем в городки.

Еще один интересный двор – Судный. Находится он на южной окраине нашего района, жметя к заброшенной шахте. В этом дворе решаются все жаркие дворовые споры. Тут находится заброшенный шахтный копер – железная вышка с колесом наверху, часть подъемной машины, которая в прошлом поднимала шахтную клеть и перемещала шахтеров вверх-вниз.

Спор у нас решается так. Двое спорящих на скорость лезут по вышке до самого верха. Кто первым хлопнет по колесу, того и правда.

Еще один двор чуть в стороне. Бараки там совсем разру-

шены, зато двор-пустырь хорош, ровный весь и трава растет. На нем мы обычно играем в футбол, а зимой лед заливаем и в хоккей рубимся, тут даже ворота есть.

Покидать Старичью Челюсть нам, детям, нельзя. И на шахты бегать нельзя, даже на ту заброшенную, что рядом. Копер тоже под запретом, но мы все равно туда тайком бегаем по особым случаям. Так что мы играем в основном на районе, хотя и хотим выбраться за его пределы. Постоянно передаем друг другу разные легенды и страшилки об удивительных местах Чертоги, которые находятся за пределами наших пустырей. Рассказы про жуткие заброшенные шахты, где живут призраки, про зеленый карьер-отстойник при заводе, в котором обитают чудовища, и про уйму другого интересного и жуткого, от чего по коже мурашки бегут.

Когда вырасту, я обязательно побываю во всех местах. Вот как-то так проходят мои дни.

Утро. Жужжание старенького будильника.

Коридор. Прыжки по скрипучим половицам в коридоре. Ванна. Зеркало все в трещинах.

Чистка зубов. Семнадцать раз снизу вверх, семнадцать – сверху вниз.

Завтрак. Манная каша и чай с бергамотом.

Подъезд. Запах кошек и подгорелых блинчиков. Две сгнившие ступеньки. В углу – притаившийся крысеныш.

Улица. Путь по извилистым тропкам мимо покосившихся бараков.

Лес. Запах влажных листьев и сосновых иголок. Плотина. Переход на другой берег реки через холодный бурлящий поток.

Голубые Холмы. Гладкая, ровная дорога. Поля, утыканные нефтекачалками.

Площадь. Мостовая, выложенная ровными, одна к одной, плитками. Часовая башня. Толпа экспатов, спешащих на завод. Мелодичные звуки баяна, веселые песенки и звяканье монеток в шапке.

Поселок экспатов. Шум молотков и дрелей, запах строительной пыли. Копание в строительном мусоре. Сбор полезного хлама.

Дом. Подсчет финансов. Гладкость и холодок блестящих монеток. Теплый ароматный обед.

Улица. Синий вагончик дяди Димы: сдача лома. Новая зверюшка из скрученной проволоки.

Снова дом. Утомительная зубрежка под строгим контролем деда.

Двор. Вечерняя прогулка с друзьями. Городки, футбол, прятки и салки. Дворовые запахи: мазут, объедки, стираное белье, подгорелое масло...

Сон. Кровать. Запах пыльного матраса. Мерный храп деда и ругань соседей за стеной. Звон битой посуды. Вой дворовых собак.

Я улыбаюсь еще одному прожитому зачупатому дню. Улыбаюсь тому, что я ложусь спать на сытый желудок. Улыбаюсь

при мысли, что со мной рядом всегда будет дедушка. Мы каждый день едим горячий суп. У меня есть руки и ноги. Я могу ходить, могу бегать по холмам, могу говорить и даже петь.

Я не знаю другой жизни, кроме Чертоги, не знаю других детей, кроме детей из Старичьей Челюсти, не знаю другой семьи, кроме дедушки. Каждый мой новый день похож на предыдущий, но я счастлив до самой макушки.

Я засыпаю, чтобы проснуться наутро в еще одном сегодняшнем дне.

Ах да, корову мы так и не сдали – дядя Дима ее не принял, сказал, в проволоке много ненужных добавок. Она теперь каждое утро своей проволочной мордой улыбается с нашего балкона проезжающим на грузовике шахтерам.

А позже в моей жизни случатся три гигантских переворота.

Деда наконец-то возьмут на постоянную (не подземную!) работу – водителем самосвала: теперь ему предстоит возить руду с шахт до перерабатывающего комбината.

Наша карьера цирковых артистов закончится, не успев начаться, мы с дедом больше не будем ходить на работу к экспатам. Меня отправят в школу. Я хорошо сдам вступительные тесты и попаду сразу во второй класс. Эх, я превращусь в обычного ребенка.

А еще в нашем дворе появится новый мальчик. Белобрысый, как заяц в зимнюю пору, длинный, как фонарный столб,

наглый, как помойный крысеныш, и злющий, как черт. Он не боится взрослых, ему плевать на запреты. Он придет к нам с района Коробок и, будучи старше всех детей в округе, быстро завоюет признание дворовой детворы.

Он станет лидером нашей компании и моим лучшим зачупатым другом.

Глава 2

Вот уже два года как дедушка работает на самосвале, а я хожу в школу. Вот уже два года как мы не были в Холмах, а ушанка и баян пылятся на антресолях.

Я скучаю по прошлому. Сидя в классе и ковыряя облупленный уголок парты под нудную болтовню учителя, я с тоской вспоминаю наши с дедом беззаботные дни. Наш путь к Холмам, улыбки экспатов, веселые песни, сбор алюминиевого лома. Я думаю, дедушка, крутя баранку огромного самосвала, тоже скучает по тем дням – он последнее время стал какой-то грустный.

Здоровущая проволочная корова на балконе была подарком от нашей прошлой счастливой жизни.

К Новому году дедушка подключил гирлянду к электричеству, и мы зажгли корову вместо новогодней елки. Под нашим балконом столпилась местная детвора, всем хотелось посмотреть на это чудо – светящуюся корову!

Мне не особенно нравится школа, это длинное здание на

южной границе Чертоги недалеко от комбината. Под школой проходят подземные воды, от этого правая часть здания сильно просела и накренилась, полы теперь идут под углом, мы любим катать по коридорам что-нибудь круглое – шарики, мячики, батарейки, – не нужно даже давать толчок, просто кладешь на пол шарик, и он катится сам.

В школе выбито много окон (сами ученики так забавлялись, я видел: кидали с улицы камни и убегали. Дурачье, им же самым тут сидеть), а на установку новые стекол у администрации нет бюджета, поэтому их просто заколотили. Из-за этого в здании всегда мало света.

Мест всем не хватает, мы часто сидим по трое за одной партой, и теснота такая, что мы упираемся в колени друг друга и постоянно пинаемся. Что до учебников, тут еще хуже – хорошо, если по одному на парту хватит. Домашние задания делаем из-за этого не дома, а в библиотеке, иначе замучаемся передавать друг другу учебники.

В школе стоит плохой запах – рядом протекает река-во-нючка; в этой части города совсем старые канализационные трубы, и стоки из домов стали попадать в реку, минуя всякую очистку. А еще здесь рядом городская свалка – ветром мусор разносит по всей округе, очень много всего попадает в реку. Из окон школы можно видеть, как из-под воды выныривают мусорные пакеты, выглядывают круглые днища ржавых бочек и автомобильные шины. После школы мы часто приходим к реке поиграть – прыгаем с бочки на бочку и с

шины на шину.

Я заканчиваю третий класс, приближается мое десятое лето. Два месяца назад прошли корабельные соревнования, но наш с дедом очередной потрясный корабль, сделанный из просмоленных досок, снова ничего не выиграл.

А сейчас открыт сезон городков!

Вот мы стоим, толпимся на краю площадки Королевского двора с фигурами. Моя очередь бросать биту. Я весь потный, нужно выбить самую сложную фигуру – «письмо». Сегодня – решающая битва. На кону мой драгоценный медведь. Если не выбью, проиграю поделку. Если же выбью, то получу две самые классные зверюшки (ну, после жирафа, конечно) – хорька и лису.

«Письмо» я не выбивал ни разу в жизни. В этой фигуре между городками большие промежутки. Выбить все сразу – нереально.

И тут вдруг у самого уха раздается незнакомый голос:

– Не бей под углом. Бита должна лететь параллельно земле. Встань как можно дальше.

Я не смотрю на лицо подсказчика. Боковым зрением вижу только его фигуру.

– Доверься мне, – шепчет голос у уха.

Я думаю. Если я сделаю, как хочет голос, и отойду назад, то моя бита просто не долетит!

Но что-то подсказывает мне, что голосу можно верить.

Отхожу на три шага назад. Рискну. Эх, прощай, родной

мой медведь!

В последнюю секунду перед броском биты я закрываю глаза. Слышу шум: глухой удар биты о площадку, городки разлетаются. Открываю глаза.

Это исторический день. Я выбил «письмо»!

Кто-то хлопает, кто-то ахает, а кто-то оплакивает свою ли-су.

И тут я наконец-то оборачиваюсь к тому, кто давал мне подсказки. И удивленно открываю рот.

Хм. Этот парнишка не из наших.

Десять голов одновременно поворачиваются к нему. Откуда он взялся? Никто не знает. Он будто вырос из-под земли. Высокий, белобрысый, с умными глазами, в чистой рубашке. Все с любопытством разглядывают чужака.

Любой бы растерялся, но только не этот парнишка. Он расправляет плечи и гордо задирает подбородок.

– Архип, – с важным видом протягивает он свою белую ладонь.

Все по очереди неуверенножимают ее и называют свои имена. Эта взрослая традиция – обмениваться рукопожатиями – раньше никогда не была в ходу среди нас, детей.

Появление незнакомца уже с первых секунд что-то меняет внутри нас.

Пожимая мне руку, он подмигивает и улыбается. Я улыбаюсь в ответ и киваю, выражая благодарность.

– Откуда ты взялся? Сколько тебе лет? – интересуемся у

парнишки.

– Я из Коробок. Мне одиннадцать. И у меня с собой чипсы «Принглс».

Восторженный вздох.

Коробки. Район в центре Чертоги. Без бараков, там двумя аккуратными рядами стоят одинаковые панельные пятиэтажки. Это у нас что-то типа элитного района. Говорят, там даже свет и воду дают круглосуточно, а не так, как у нас, – по четыре часа в день. И котельная у них своя, районная – современная, трубы никогда не замерзают и тепло домам дают всю зиму. Правда, мы не знаем этого точно, ведь никто из нас ни разу не был в Коробках. Все это один парнишка рассказывал – говорил, знакомые его знакомых там живут.

Но мы не поверили ему и быстро загнали на судную вышку – проверить на правду. Проиграл. Так и знали: брешет. Не бывает такого, чтобы свет круглосуточно. А вода-то как целый день может идти горячая? Она же нагреться должна. Браки все. А уж тем более про котельную. Все трубы мерзнут. Не могут не мерзнуть.

Белобрысому парнишке одиннадцать лет. Самый старший среди нас. И значит, самый умный.

Чипсы «Принглс». Уже от этих двух слов в желудке урчит, а рот наполняется слюной. «Принглс» мы ели только один раз – накопили всем двором и купили вожаделенную баночку.

Ответы Архипа автоматом превращают его в лидера нашей компании. И без разницы, живет он здесь или нет. Мы,

дети из Старичьей Челюсти, всегда доброжелательны к новичкам. Всегда их принимаем. Никогда не разделяем компанию на «салаг» и «старожилов», на «наших» и «чужих». Особенно если они с собой приносят чипсы...

Мы отходим к лавочке, все окружают Архипа. Он достает из рюкзака чипсы – целых две упаковки! Высыпает каждому на ладошку.

Мы уступаем Архипу почетное место в центре лавочки, сами садимся вокруг. Я плюхаюсь на землю напротив, хрумкаю чипсами.

– Я должен тебе кое-что, – говорю я и протягиваю Архипу лису и хорька. – Я выиграл их благодаря тебе.

Архип отмахивается:

– Ты мне ничего не должен. Твой бросок действительно был крутой!

– Нет, должен! Выбирай – хорька или лису?

Я упорно протягиваю ему зверюшек. Архип сдается. Забирает себе хорька.

– Спасибо, – кивает он и убирает хорька в карман штанов.

Архипа заваливают вопросами: а как живут люди в Коробках? А правда ли, что отопление дают всю зиму, а свет и воду – круглосуточно? А правда ли, что во дворах Коробок есть новенькие детские площадки? И что на районе нет вандалов, и на окнах даже можно не ставить решетки и ставни? И что крыши у домов плоские, а не треугольные, как у наших бараков?

Я смотрю на окна наших домов, защищенные решетками, а кое-где на нижних этажах закрытые ставнями. Мы боимся вандалов и воров, их тут много.

Архип усмехается.

– Ха! Если думаете, что мы там как короли живем, как эти... из Холмов, – презрительно протягивает он, – то вы ошибаетесь. С отоплением такие же проблемы – трубы мерзнут. Воду должны давать все время, но по факту ее не бывает по полдня. То же самое со светом. Дома у нас старые, проводка трухлявая. Детская площадка есть, но ее уже почти всю разрушили – качели сломали, горку вырвали. А ставни – так во всей Чертоге ставни. И у нас. Везде есть вандалы. Так что враки это все. Кто вам наговорил эти глупости? Язык ему надо вырвать. Но вот крыши плоские, это верно.

Архип с беспокойством смотрит на треугольную крышу одного из бараков. Она совсем прохудилась, часть ее провалилась внутрь.

Мы победно смотрим на мальчонку, который уверял нас, что в Коробках все по-другому. Судная вышка никогда не врет. Мальчонка стыдливо смотрит себе под ноги.

– А вы были в шахтах? – меняет тему Архип и заметно оживляется.

– В шахтах?

Мы смотрим на него с ужасом. Никто из нас не спускался в шахты.

Неужели он...

– Я их все облазил, – говорит он так, будто рассказывает о походе в магазин за хлебом.

– Ух ты! И как там?

Глаза Архипа горят.

– Очень круто! Подземные тоннели, штольни, много разной техники. Проходит железная дорога, можно кататься на вагонетках. Сыро. Мрачно. Я кучу всего интересного нашел. Смотрите.

Он достает из кармана штанов камешек, который блестит, как металл.

– О! Это что, золото? – спрашивает один из ребят.

– Дубина! – Архип презрительно смотрит на него. – Не можешь руду от пирита отличить? Это же пирит – камень-обманка. Все шахтеры могут отличить пирит от золотоносной руды. Ты разве не сын шахтера?

– Сын.

– Скажи папке, что ты дубина. Пускай поучит тебя.

Архип копается в рюкзаке. Достает несколько предметов, покрытых землей и копотью.

– Это я тоже в шахтах нашел. Фонарик и головку с кирки. Представляете, сколько ей лет?

Мы все по очереди держим в руках Архиповы находки.

Они прохладные и шершавые, чувствую пальцами жесткую корку. Я нюхаю их – хочу почувствовать запах шахты.

Мы все заваливаем Архипа вопросами о рудниках.

Архип скидывает руки:

– Погодите! К чему рассказывать, если я могу провести вас туда?

– Прямо в шахты?

Мы не верим!

– Конечно, прямо в шахты! Пойдемте хоть завтра! И все увидите своими глазами!

Мы начинаем строить план. А во сколько выходим? А что надо брать с собой? А будут ли у нас фонарики?

Архип отвечает на наши вопросы. Все, решено – завтра выступаем! Я наконец-то увижу шахты, настоящие заброшенные шахты, про которые известно столько разных историй! Многие не смогут пойти и огорченно вздыхают, зато тех, кто может, просто распирает от счастья.

Но тут замечаем, что солнце скрывается за деревьями, оглядываемся по сторонам. Сумерки – время страшных рассказов. Мы все смотрим на Архипа – а у нас ведь тоже есть чем его удивить!

– Солнце садится. Пойдемте к подвалу, истории рассказывать! – говорит кто-то из наших.

– Что еще за истории? – скущаяще и недовольно переспрашивает Архип.

– Страшные! У тебя от них волосы дыбом встанут! Жуткие рассказы про шахты. Заодно и скажешь потом, выдумки это или нет, и поделишься своими байками. Пойдемте скорее к подвалу!

Мы заходим за угол дома, по выщербленным ступенькам

спускаемся к решетчатой двери подвала.

Подвал у нас длиннющий, вдоль стен тянутся ржавые трубы.

Мы часто слышим страшные рассказы об этом месте.

Рассказы о жутком насилии, о многочисленных смертях, о том, как кто-то убил кого-то, разрезал труп и спрятал куски тела прямо в трубы. Вода на полу вся окрашена в багровый цвет. На стенах – следы от ногтей, оставленные несчастным, которого однажды приковали цепью к трубам и который напрасно пытался звать на помощь...

Здесь происходит очень много страшных вещей, о которых взрослые шепчутся за плотно закрытыми дверями. Но мы, дети, все равно слышим отдельные слова – и этого нам достаточно, чтобы потом сообща додумать историю до конца.

Мы никогда не лазили внутрь – решетчатая дверь закрыта, ее нужно взламывать, – да и желания особого нет. Благодаря дворовым легендам мы и так живо представляем картину внутри. Достаточно просто сидеть у двери подвала, глядеть в его мрачную темноту через решетки, чувствовать особенный запах, ощущать влажность, слышать, как в темноте где-то капает вода, что-то шипит. Иногда мы слышим какие-то шорохи и с визгами мчимся вверх, к спасительному свету.

Именно здесь, на нижних ступеньках у входа в подвал, мы рассказываем друг другу мрачные страшилки о жутких вещах, случившихся в подвалах и на чердаках Старичьей Че-

люсти, о шахтах и о зеленом отстойнике, обо всем пугающем, что происходило в Чертоге.

Мы рассаживаемся по ступенькам. Я снимаю привязанный к поясу маленький фонарик и освещаю темноту подвала за решетками. Потом говорю:

– Давай, Гусь, сегодня твоя очередь!

Мальчишка, награжденный птичьим прозвищем из-за тонкой и длинной шеи, ерзает и оживляется. Все любят рассказывать байки, и каждый ждет не дожидается своей очереди.

– Отлично! У меня как раз есть одна страшная история. Это случилось на самом деле. Мне папин друг рассказал. Все это правда на сто процентов. Несколько месяцев назад два брата-студента собирались приехать в нашу глушь и спуститься в одну из заброшенных Восточных шахт с какой-то исследовательской целью. Один заболел, и приехал сюда только второй брат. Он спустился под землю, пошел по тоннелю. Студент хотел найти какие-то интересные камни. Вдруг он увидел впереди загадочные блики и, освещая себе путь фонариком, пошел в направлении манящего блеска. Но сколько бы он ни шел, блики не приближались. Тоннель то разветвлялся, то расширялся, позволяя двигаться в полный рост, то сужался, становясь похожим на нору. Вдруг студент стал замечать, что свет фонарика потускнел, хотя батарейки были новые. Как будто дело было в том, что чем дальше он шел, тем больше сгущалась темнота, и свет фонарика уже не мог ее рассеять... Добраться до источника загадочного блес-

ка стало навязчивой идеей студента. Ему было страшно, гулко стучало сердце, но он все равно продолжал идти. Шорох шагов. Зловещий звук падающих капель. Мрак. И загадочные манящие блики впереди. И вдруг, сзади, в нескольких метрах.

Мы все затихаем, с нетерпением и страхом ожидая продолжения истории. Гусь выдерживает паузу, накаляя атмосферу, а потом вскрикивает:

– Раздался голос!

Все ахают.

Гусь между тем продолжает:

– Мужской голос, удивительно знакомый студенту. Он стал светить назад, но никого не увидел. А голос все приближался. Он говорил: «Помоги мне.» От страха студент побегал вперед. И вдруг голос смолк. Блики исчезли. Студент подошел к тому месту, где в последний раз видел блеск, и посветил фонариком в темноту. И там... на земле... были разбросаны фотографии! Фотографии, разрезанные ножницами на треугольники. Студент подобрал несколько обрезков – на них были люди. И на одном из кусочков снимка он узнал... себя и своего брата! С прожженными дырами вместо глаз. Эта фотография была сделана давно, когда они с братом еще были совсем детьми. Она всегда хранилась в семейном альбоме – и никаких дыр на ней не было и в помине. Сзади слышалось какое-то шевеление – студент бросился бежать. И тут впереди показался просвет – другой выход из

шахты. Спасение! Студент выбрался на поверхность, к свету. Всю дорогу домой он разглядывал обрезки фотографий и недоумевал, как они оказались в шахте. Он вернулся домой, брата не оказалось там, и студент подумал, что тот почувствовал себя лучше и ушел по делам. Истощенный морально и физически, он лег спать. Той ночью ему ничего не снилось. А наутро его разбудил телефонный звонок. Звонили из милиции. Брата нашли мертвым на пустыре – неизвестно, отчего он умер. На земле рядом с ним было нацарапано: «Помоги мне». Он пролежал там полтора дня, и вороны выклевали ему глаза. Студент сжег кусочки снимков сразу после похорон. И больше никогда не спускался в шахты.

Мы все выдыхаем. История нам очень понравилась. Гусь умеет здорово рассказывать, нагнетая атмосферу. И голос его звучит так тихо, глухо, как из-под земли.

Мы все обсуждаем услышанное, хвалим Гуся. Но Архип недоволен. Он единственный из нас был в шахтах, поэтому придирается к мелочам:

– Непохоже на правду. Это же Восточные шахты, да?

– Ну да, – отвечает Гусь.

– В Восточных шахтах нет второго выхода на поверхность. А еще как студент мог подобрать фотографии с земли, если шахты там все затоплены? Там нужно по колено в воде идти... И история с фотографиями. Врешь ты все! Не бывает такого. Сказки.

– А вот и не вру! – яростно выкрикивает Гусь, быстро

вставая. — Это все чистая правда! Ты просто не во всех шахтах был и не знаешь, что там творится!

— А вот и во всех! — Оскорбленный Архип тоже вскакивает. — И Восточные все затоплены!

— А вот и нет!

— А вот и да!

Оба мальчика спорят, толкаясь упрямыми лбами.

Мы все следим за перепалкой. Но споры у нас решаются только одним способом.

— На судную вышку их! Пойдемте к судной вышке, проверим, кто врет! — кричит кто-то.

Все поднимаются, начинают галдеть. Кто-то поддерживает Архипа, кто-то стоит за Гуся. Мы идем в Судный двор. По дороге рассказываем Архипу, как у нас решаются споры.

Мы подходим к ржавой покосившейся вышке. Она представляет собой узкую четырехгранную усеченную пирамиду, грани которой соединяются железными перекладинами-раскосами. Раньше наверх вела лестница, но ее не осталось. Подниматься нужно по раскосам, а это довольно сложно. Тем более что часть раскосов отвалилась.

Обычно для споров мы используем две противоположные грани вышки — те, где осталось больше раскосов. Именно к одной из них подходит Гусь. Вид у него уверенный. Он хорошо лазает и не раз выигрывал споры. Но Архип встает не у противоположной грани, а у смежной, опасной.

Гусь недоумевает.

– Тут нельзя лезть, вставай напротив! – говорит он.

Но Архип лишь усмехается:

– Да? И почему же?

Гусь показывает наверх, на отсутствующие секции:

– Сорвешься! Мы эти две грани не используем.

Архип в ответ издевательски улыбается и хватается руками за перекладыны.

– Но ведь каждый из нас уверен, что он прав, не так ли?

Гусь неуверенно кивает.

– Значит, мы оба удержимся. Так, Гусь? Ведь ты же не хочешь отступать и признавать, что ты все наврал и что твоя история – выдумка?

Мы, зрители, переводим взгляд с Архипа на Гуся и обратно. Молчим затаив дыхание. В словах Архипа есть логика.

Гусь, сглотнув от страха, весь напрягается, вытягивает свою длинную шею:

– Я... Я... Я не вру!

– Отлично! – Архип приглашающим жестом показывает на вторую опасную грань вышки. – Тогда лезем?

Мы все смотрим на них с волнением.

Неужели они решатся? Будут рисковать жизнью, чтобы только показать всем, на чьей стороне правда?

Гусь, помявшись, неуверенно встает напротив.

Видя это, Архип победно улыбается. Не пойму, то ли улыбка это, то ли оскал.

– Командуйте! – кричит Архип.

Я нехотя начинаю считать:

— Раз, два, три!..

Они лезут вверх, цепляясь руками за распоры, подтягиваются, хватаются за следующие. Архипу достался один из самых сложных участков внизу, и Гусь опережает его на метр. Но на середине Гуся ждет препятствие: двух раскосов нет, а конец третьего выдернут, и его свободный конец висит в воздухе. Гусю приходится лезть по нему, как по веревке, упираясь ногами в столбы, соединяющие грани. Участок дается ему нелегко, и два раза он чуть не срывается. Но наконец сложное препятствие позади, и он снова карабкается по распорам.

За то время, пока Гусь справлялся со сложным участком, Архип успел его опередить. Но теперь его тоже ждет проблема: часть распоров выдернута, часть поломана, и повсюду торчат острые их края. Он пытается аккуратно пролезть наверх, не зацепившись, но ему не удается: острый обломок режет его по бедру, разрывая джинсы и царапая кожу. Увидев кровавый след, я перестаю дышать. Архип задерживается в этом положении, морщится от боли.

За кого я болею? Даже не знаю... Я переживаю за Гуся. Я не думаю, что он врет про свою историю, считаю, что Архип зря на него взъелся. И суд вышел слишком жестокий: рисковать своей жизнью ради того, чтобы доказать свою правду, — это глупо.

Но что-то в Архипе есть такое, что заставляет меня вос-

торженно смотреть на него и желать ему победы.

Архип теперь отстает от Гуся, и отрыв все сильнее. Вроде на его пути нет сложных участков, но, возможно, ему мешает полученная рана.

Гусь тем временем преодолевает все тяжелые участки. Впереди несколько целых раскосов и дальше колесо. Гусь даже слегка улыбается – понимает, что победа почти у него в кармане.

Но тут. Что-то идет не так. Когда Гусь хватается руками за верхний распор и убирает ногу с нижнего, раздается скрежет, а затем. Один конец распора просто вырывает из столба, и перекладина, которая теперь соединяется с вышкой только одним концом, резко отклоняется в сторону. Гусь висит в воздухе и кричит. Он не может уцепиться за что-нибудь ногами: вся конструкция слишком далеко от него. Не удержавшись, он падает с двадцатиметровой высоты.

Я закрываю руками лицо и слышу удар: будто сверху бросили мешок с картошкой. Мы все бросаемся к Гусю. Он лежит на спине, раскинув руки в стороны. Неживой взгляд устремлен в небо.

Я смотрю наверх и вижу, как Архип, преодолев последний участок, касается колеса. А затем с улыбкой победителя смотрит вниз.

Через пару дней мы раскладываем еловые ветки перед входом в подъезд, где жил Гусь. Надеваем черные рубашки. Идем в маленькую церковь простаться с этим добрым маль-

чуганом, который так здорово рассказывал истории.

Удушливый запах пота и церковных благовоний, гроб, в котором лежит белый как мел Гусь. Его рубашка застегнута на все пуговицы, под самое горло, и от этого его шея не кажется слишком длинной.

Гуся звали Славкой. Тищенко Вячеслав Анатольевич. Ему было девять лет.

Я не подхожу к гробу ни в церкви, ни на кладбище – мне страшно. Переминаюсь с ноги на ногу, прячусь за толпой, обступившей могилу, слышу, как заколачивают крышку. Стук молотков заглушает горькие рыдания родственников.

У меня перед глазами все еще стоят железные распоры, мертвый взгляд Гуся и белозубая улыбка Архипа, который радуется победе, завоеванной такой высокой ценой.

После похорон взрослые отгораживают вышку самодельным забором – чтобы дети туда больше не лазили. Мы теперь избегаем Судного двора и проходим недалеко от него только из большой необходимости: чтобы добраться от нашего двора до Королевского. Я не смотрю в сторону вышки: когда боковым зрением вижу ее, в моей голове снова и снова прокручивается падение Гуся.

Дети ополчаются против Архипа, винят его в смерти друга. Ведь это Архип настоял на том, чтобы лезть по опасным граням. Архип больше не приходит к нам. Мы больше не решаем вышкой, кто прав в спорах, не рассказываем истории у входа в подвал: смерть Гуся сильно изменила наши привыч-

ки и традиции. Вечерами мы теперь просто сидим в кустах Королевского двора, болтаем или играем в мяч.

Я скучаю по Гусю – он был хорошим парнем. Но я скучаю и по Архипу – этот странный мальчишка за короткое время успел крепко привязать к себе многих. Половина ребят ненавидит его – они любили Гуся. Вторая половина, такие как я, просто молчат и с тоской вспоминают чипсы «Принглс», камень-обманку пирит, кирку и насмешливую улыбку.

К нашему удивлению, Архип приходит к нам во двор недели через две после похорон Гуся, утром в субботу. Мы сидим в кустах и слышим, как шевелится листва. Сквозь кусты просовывается белобрысая голова с прицепленным на лобным фонариком. Потом появляется туловище. За спиной – рюкзак, в руках – карта, на ногах – резиновые сапоги.

От неожиданности мы открываем рты. Мы никак не могли подумать, что после случившегося у Архипа хватит смелости прийти сюда...

– Ты? Да как ты!.. Да откуда ты!.. – раздаются возмущенные голоса.

– Да, это я, – дерзко отвечает мальчик. – Я обещал сводить вас в шахту. Я иду туда сейчас. Те, кто хочет, двигайте за мной.

Все вскакивают.

– Ты думаешь, после всего, что случилось, кто-то пойдет за тобой?

– Ты убийца!

– Уходи отсюда!

– Ты не нужен здесь!

Архип поджимает губы и сощуривает глаза. Взгляд его пробегает по всем по очереди: он ищет сторонников. Останавливается на мне.

– Ты, – командирским тоном говорит Архип. Мне хочется оглянуться – может, он все-таки обратился к кому-то другому? – Я знаю, ты хочешь пойти со мной.

Пошатнувшись, я чуть не сваливаюсь в кусты.

Все смотрят на меня. Как я себя поведу?

Мне нужно принять решение. Что делать? Остаться со всеми? Но мне чертовски надоело каждый день играть в городки и гонять мяч, торчать в этом дворе. Я безумно хочу попасть в шахту! Да, мне понравился Архип, и я считаю, что Гусь виноват сам: не нужно было вестись на провокацию.

Ладони вспотели от волнения, стало очень жарко. Я выпрямляюсь во весь рост и под злобными взглядами смело отвечаю:

– Да, я пойду с тобой.

В кустах поднимается настоящий переполох, все ругаются и спорят. В конце концов из кустов выходит Архип, за ним иду я, а следом – еще трое, те, кто тоже не считает Архипа виноватым в смерти Гуся и очень хочет попасть в шахты.

А еще мы видим, что из рюкзака Архипа выглядывает яркая крышка полной упаковки «Принглс»...

Смутно осознаем, что совершили революцию и раскололи

наше государство на две части.

Мы выбрали себе короля. И теперь уходим захватывать новые земли.

Глава 3

Мы выходим рано утром на следующий день, Архип говорит, что мы, как новички, должны начать с самой простенькой и доступной шахты – на востоке Чертоги. Старичья Челюсть находится на северо-западе, поэтому наш путь идет через весь поселок.

Мне не по себе из-за вчерашнего раздора с ребятами: я не люблю ссоры, хочу, чтобы все дружили и чтобы всегда был мир. Войны не по мне. А появление Архипа раскололо нашу дружную команду. Что будет дальше, пока непонятно. Сможем ли мы снова объединиться? Или будем воевать?

Печальное настроение не только у меня: мы все идем грустные. Все, кроме Архипа, который оживленно болтает всю дорогу, рассказывая со знанием дела, как нужно вести себя в шахтах, что делать, если ты потерялся, и как найти выход на поверхность.

Оставляем за спиной бараки, дальше по холмам приходим в центральный район Чертоги – Коробки. Прямоугольные серо-коричневые пятиэтажки и правда похожи на картонные коробки. Стены домов кажутся такими тонкими, будто сделаны из бумаги, кажется, если чуть дунешь – сразу разва-

лятся. Дома стоят четкими рядами, дороги прямые и совсем нет грязи. Во дворах – кладбища детских площадок: повсюду торчат ржавые обломки горок и качелей.

Из Коробок мы выходим на огромный холм, за которым находится восточная часть Чертоги – район Лоскутки. Узкие двухэтажные дома наставлены так тесно друг к другу, что в переулках между ними едва ли может втиснуться пара человек. Это место отличается от остальных. Фасады разукрашены яркими красками: один выкрашен в сине-белую клетку, второй покрыт мелкими красно-желтыми волнами.

Только здесь можно увидеть здания, на стенах которых плавают рыбы с радужными хвостами, растут бордовые цветы, летают экзотические птицы, нарисованы полосы, звезды, разные причудливые узоры всевозможных цветов. Из-за такой раскраски и тесноты расположенных близко друг к другу домов район напоминает лоскутное одеяло.

Дальше, за окраиной Чертоги, тянутся покатые холмы. Мы держимся кучкой, чтобы не потеряться в густом молочном тумане.

Минут через двадцать пологие холмы сменяются более крутыми участками, растительность становится реже, вместо травы – каменистая осыпь, которая сильно затрудняет ходьбу. Время от времени попадаются полуразрушенные постройки непонятного назначения – мы находимся на территории заброшенных шахт.

Идем вдоль отвесной скалы по узкой тропинке и наконец

вдалеке видим черное отверстие, укрепленное балками, – вход в шахту. Поднимаемся к нему.

– Эта шахта очень старая, – говорит Архип. – Тут уже лет пятьдесят как закончились выработки... Внутри все обвалилось, так что пройдем совсем недалеко.

Включаем налобные фонарики и ступаем в темноту. Штольня завалена каменными глыбами и бревнами. Идти сложно, и мы держимся за стены, чтобы не упасть. Пахнет сыростью, плесенью и грибами. Под ногами что-то хлюпает. Руки даже через садовые перчатки чувствуют остроту камней.

Туннель разделяется на два рукава. Архип уверенно ведет нас в правый. Дальше – еще одно разветвление. И еще одно.

– Куда мы идем? – спрашиваю я, шлепая сапогами по лужам.

– В одно очень интересное место. Скоро сам увидишь.

Кажется, мы топаем целую вечность. Штольня идет под уклон – с каждым шагом мы спускаемся все ниже. Воды под ногами становится все больше. Трудно представить, что над головой сейчас тонны камней, и если будет обвал – нас сплющит в лепешку.

Мы осторожно обходим углубление, наполненное ярко-желтой жижей. Двигаться трудно – из-за обрушений сводов и завалов проходы сужаются, и часто приходится ползти.

Наконец мы оказываемся в довольно просторном помещении. Обвалов тут не было – крепление из балок целое.

– Подойдите сюда. – Архип подзывает нас к одной из стен. Мы подходим. И ахаем от удивления.

Вся стена покрыта надписями и рисунками!

Рисунки очень красивые – будто их делали настоящие художники. Холмы, рудники, дома, люди, леса, реки, цветы... Надписи же грустные и смешные, простые и философские.

Высказывания про жизнь, молодость, смерть, борьбу, любовь.

Веселимся же, пока мы молоды!

Следуй за своей звездой...

Цветы для Ады

Не верь девчонке!

Мы с восторгом осматриваем стену.

Одна из надписей содержит дату. Указание на год. Тысяча восемьсот семидесятый!

– Смотрите сюда!

Мы смотрим туда, куда указывает Архип. Цепь. Старая, ржавая. И обломки кандалов.

– Эта шахта была одной из первых. Здесь работали самые опасные преступники. Их приковывали цепями к вагонеткам, чтобы они не сбежали. Лоскутки – самый старый район Чертоги. Все первые поселенцы-каторжане жили там.

Вот откуда у жителей Лоскутков такая любовь к разрисовыванию домов... Их предки очень любили рисовать. Ри-

сунки – единственное, что у них было. Они жили в шахтах почти постоянно, эта камера служила чем-то вроде спальни. Их не выводили из-под земли целые месяцы. Эти рисунки помогали им вспоминать мир на поверхности.

Молчим. Пытаемся представить, каково это – месяцами не видеть солнечного света. Жить в цепях внутри горы, в сырости, холоде и почти полной темноте.

Мы смотрим друг на друга. После смерти Гуся все как будто замкнулись в себе, будто остановилось время. Мы существовали как зомби, не думая, не чувствуя, ничего не сообщая.

Здесь, в шахте, мы снова оживаем.

После этого путешествия нам снова хочется быть такими, как раньше. Мы хотим построить где-нибудь для себя убежище, играть, смеяться и дурачиться. На пустыре между Старицей и Челюстью и заброшенной шахтой мы сооружаем шалаш из найденных листов железа, досок и оконных рам. Строительство длится несколько дней. Архип становится нашим командиром и отдает приказы. Таская с помойки и с заброшенных огородов материалы, мы с воодушевлением строим планы: что мы принесем сюда? Во что будем играть?

Мы с гордостью смотрим на построенный шалаш, довольные своей работой. Архип придумывает разные занятия. Притаскивает сюда леденцы и клевую настольную игру.

Нам очень нравится Архип – с ним никогда не приходится скучать, он обязательно что-то придумывает. Иногда с ним

сложно, он бывает очень вспыльчивым, например, когда с ним споришь, поэтому я стараюсь соглашаться со всем, что он говорит. Ведь Архип старше, а значит, умнее, и чего с ним спорить? Архип всегда прав. Это просто надо принять.

Мы хотим покрасить новое убежище в разные цвета. И придумать ему название. И установить над ним флаг.

Приносим сюда баночки с красками и кусок ткани для будущего флага.

Но все планы летят к чертям: на следующий день на месте нашего шалаша обнаруживаем гору обломков и надпись, сделанную одной из наших красок на доске, прибитой над входом.

УБИЙЦА

Мы смотрим на то, что осталось от шалаша.

Сломано все. Банки с краской разбиты, ткань для флага порвана на клочки.

— Мы сможем построить новый... — Я пытаюсь взбодрить друзей. — Вот тут, рядом!

— Они не отстанут, — хмуро говорит Архип. — Они везде нас найдут. И будут мстить.

— Что же нам делать? Все время шататься по шахтам?

— Нет. Мы найдем себе место. Там, куда они точно не сунутся.

– И что же это за место?

Архип хитро улыбается.

И вот мы уходим на юго-восток, пробираемся через забор из колючей проволоки, на столбах которого через каждые десять метров висит табличка: «Стой! Опасная зона!».

Впятером стоим на берегу огромного карьера-отстойника, вдыхаем горьковатые пары цианида, любимся трупами ворон и уток на иссохших берегах. Смотрим на огромную ржавую посудину у берега отстойника. Это баржа. Место, которое на многие годы станет нашим вторым домом.

Место, где нас не найдут. Место, которое принадлежит только нам. Прекрасное, волшебное, удивительное место.

Но сейчас мы смотрим на него с ужасом.

Зеленая густая жидкость заполняет весь гигантский карьер. Повсюду виднеются пустые ржавые бочки – их тут сотни! Они плавают в озере отходов, валяются на берегах и просто навалены на земле целыми кучами – издалека они кажутся большими ржавыми горами.

– Но, Архип... Этот карьер ядовитый. Сюда стекают химические отходы с комбината, по-моему, цианид – это яд, он очень опасен! – пытаюсь я вразумить Архипа, но он так злобно смотрит на меня, что я жалею о сказанном.

– Глупости! – Архип берет с земли палку, тыкает ею в обмазанный зеленой жижей труп вороны. – Отходы попадают в карьер вместе с водой – значит, яда тут очень мало. К тому же я где-то слышал, что в воздухе цианид не опасен, только

в воде. И что организмы человека и животного умеют этот яд подавлять. Он вредный только для растений, рыб и птиц.

Я беру вторую палку, и мы с Архипом вместе принимаемся толкать дохлую ворону в вязкую буро-зеленую гадость.

– Но. Мы же будем находиться здесь долго – это вредно. – пытаюсь я возразить, но Архип так страшно зыркает на меня, что я затыкаюсь.

– Все решено. Это не обсуждается. Теперь мы будем собираться здесь, на этой барже, – жестко заключает Архип. – Нам тут будет хорошо.

Мы тяжело вздыхаем. Удивительно, но больше никто не спорит – все верят Архипу. Всегда все происходит так, как он сказал.

Вот так это место и становится нашим вторым домом. В следующие дни внутри баржи раздается стук молотков – в трюме мы сколачиваем стол с лавками. Вешаем на стены плакаты. Мы приносим сюда много сахара и леденцов: сладкое помогает организму подавить вред от гадости, которой мы тут дышим, – это Архип сказал.

Так образуется наша команда.

Димка-картежник по кличке Туз. На маленьком плоском стальном прямоугольнике он выцарапал гвоздем пикового туза, заточил края и теперь хвастается перед всеми своей самодельной картой, показывает, как он ею ловко разрезает жуков на тонкие полосочки. Его отец работает мусорщиком. Каждый день мы видим его сгорбленную худую фигуру у по-

моек, где он сгребает мусор в одну вонючую массу. Туз живет в коммуналке, где, помимо него с отцом, живут еще пять семей. Все, о чем он мечтает, — это иметь большую ванную и собственный туалет.

Игнат мечтает о путешествиях, поэтому в компании его наградили кличкой Крузенштерн или сокращенно — Круз. Отец Игната обитает в канализации. Судя по тому, что в Чертоге с трубами столько проблем, отец его — единственный сантехник в городе. Мать Игната работает на приемном бункере при комбинате. Игнат мечтает увидеть весь мир, но за пределами Чертоги он был один-единственный раз: когда ему было лет семь, родители возили Игната в другой город в цирк. Все свои скудные знания о разных странах он приобретает из приключенческих фильмов, которые очень любит смотреть. Больше всего ему хочется посетить Коста-Рику. Игнат говорит, что там теплое голубое море, белый песок и пальмы. Даю на отсечение левое ухо и правую пятку, что он даже не знает, где это. Небось слышал про Коста-Рику в очередном фильме...

Отец Лехи Костылева уже совсем старый и всегда кашляет — работа на рудниках сильно подкосила его здоровье. Мать работает на комбинате у печи. Работа тяжелая, температура до семидесяти градусов доходит! Костыль хочет накопить денег и получить высшее образование, чтобы его взяли на хорошую работу и родители могли наконец отдохнуть.

Чуть позже в компании появляется Илья Галахад. У него

вся футболка в мелких дырочках, мы называем ее кольчугой, потому и прозвище ему дали в честь рыцаря Круглого стола. Ботинки у него тоже дырявые – все пальцы видать.

Вслед за Галахадом в команду вступает Егор, которому мы даем кличку Муха, на шее вместо крестика он носит засохшую жирную муху – говорит, она приносит ему удачу.

По сравнению с остальными членами нашей команды Архип сильно выделяется. Его отец и мать работают на Южных шахтах, но на поверхности, и занимают руководящие должности. Непонятно, почему он связался с нами – со своими чистыми волосами, рубашкой в клетку и заносчивыми манерами он мог бы подружиться даже с детьми из Голубых Холмов...

А он набрал себе друзей с чертожских помоек. Что ж, каждому свое. Но я не думаю, что сам бы так смог.

Архипа мы любим. Благодаря ему у нас теперь неиссякаемый запас чипсов и леденцов. Баржу мы тоже любим: играем там в карты, поем песни, читаем комиксы, обсуждаем наши путешествия до еще не изведанных шахт Чертоги, а после очередной вылазки рисуем по памяти карту местности, где мы побывали.

Со временем это место начинает казаться очень уютным. Безопасным. В отличие от родных дворов, где нас теперь поджидает опасность.

Однажды вечером я возвращаюсь домой с баржи. Когда прохожу через Королевский двор, из кустов рядом вылеза-

ет вся наша старая компания и перекрывает мне путь. Мне становится страшно, я пячусь. Я помню шалаш – мальчишки все еще мстят нам за Гуся...

– Как тебе таскаться с убийцей? – презрительно кричит мне Горыныч, который теснее всех дружил с Гусем. – Ты как помоечный щенок, который пойдет с кем угодно за еду. И будет преданно лизать руку!

– Ты не прав. Ты не знаешь Архипа, – огрызаюсь я.

– Он убийца, мне больше ничего не надо знать, – отрезает Горыныч. – А раз ты выбрал его, значит, ты ничем не лучше. Они обступают меня со всех сторон. Вид у них грозный.

«Будут бить», – думаю я и втягиваю голову в плечи. Молю боженьку о том, чтобы сейчас за секунду я оброс костяным панцирем.

Недалеко раздается голос – такой родной голос! Хочется кричать от восторга.

– А ну отошли от него!

Метрах в пятнадцати с натянутой рогаткой в руках стоит Архип, целясь прямо в Горыныча.

– А ну опусти! – кричит тот в ответ.

– Я насмерть бью голубя с тридцати метров! Что будет с твоим глазом, Горыныч, если я попаду в него с пятнадцати? Думаю, тебе придется сменить кличку. На Пирата, ха-ха!

Горыныч хмуро смотрит на нацеленную рогатку. Архип оттягивает резинку еще больше.

– Выбирай, левый или правый?

Молчание.

– Твоя взяла! – наконец сдается Горыныч. – Мы уходим! Оберегай малька, у нас тут район беспокойный.

Пацаны разворачиваются и отходят от меня. Выдыхаю и дышу часто-часто – кажется, что, пока они были рядом, мне в легкие не поступал воздух.

Подходит Архип.

– Пойдем, провожу тебя, – говорит он и тянет меня за рукав куртки.

– А чего он сказал про малька, Архип? Я не понял.

– Неважно. На вот, съешь леденец. – Он протягивает мне карамельку. Я разворачиваю ее и отправляю в рот. – Теперь придется провожать тебя домой. А еще лучше, – он машет рогаткой, – научить тебя стрелять.

– О! Круто! Когда начнем? – Посасывая мятный леденец, я прыгаю вокруг Архипа от нетерпения, точно как щенок.

– Завтра. Вообще-то я пришел к тебе, хотел предложить на завтра вылазку в шахту – чтобы мы были только вдвоем. Это секретная шахта. Но, кажется, планы поменялись. Будем учиться стрелять.

Всю ночь я ворочаюсь – не могу дождаться встречи с Архипом! Рогатка у него необычная, все это знают – он даже бутылки с большого расстояния бьет! У мальчишек в наших дворах тоже есть рогатки, но не такие – бьют недалеко и слабо. У Архипа другая, мощная! Намного круче игрушечных ружей.

– Куда мы идем, Архип? – Я еле успеваю за ним. – Не так быстро! У меня ноги короткие!

– Мы идем к границе. Будем тренировать твою меткость.

– К какой границе? С Холмами?

– Да, мы идем к Холмам.

От удивления я замолкаю. Я не был в Холмах больше двух лет! С тех пор, как прекратился наш с дедушкой бизнес. Там, наверное, многое изменилось...

Мы идем по лесу и видим вдалеке сетчатый забор, за ним бетонный: граница. Раньше его не было. За ним – река. Та самая, которую мы с дедушкой переходили вброд.

Я хочу уже выйти из леса и подойти туда, но Архип останавливает меня.

– Смотри! – Он показывает на верх забора.

Я прищуриваюсь и вижу камеры.

– Они снимают все, что вокруг. Чтобы к ним не лезли.

Камер нет только дальше на западе, где плотина.

Я киваю. Помню эту плотину.

– Но сейчас нам камеры и нужны.

Архип достает из кармана несколько белых шариков.

– Краска, – объясняет он. – Вчера весь вечер их делал. Твоя задача попасть шариком в камеру. Если бы мы разбили ее камнем, охранники бы пришли сюда и поймали нас. А ес-

ли она будет заляпана краской, они подумают, что это птица и что дождь все смоет.

Сначала я тренируюсь, стреляя камешками в дерево в лесу. Архип подсказывает: показывает, как правильно держать рогатку и оттягивать резинку, как целиться.

Когда мне удастся бить точно в цель, Архип протягивает шарик с краской:

– Пора.

Я попадаю в камеру с четвертой попытки.

– Есть! – радостно кричит Архип и выходит из кустов к забору, отодвигает сетку снизу. – Ну что, лезем?

Я неуверенно смотрю на забор:

– Ох! А стоит?

– Неужели тебе неинтересно, как идет строительство? Ты же говорил, что два года не был в Холмах. Там многое изменилось!

Мы пролезаем через сетку и оказываемся у бетонного ограждения. Друг подсаживает меня, помогая залезть на верх забора, затем забирается сам. Мы вместе прыгаем вниз с обратной стороны. Это странное чувство – будто ты прыгнул в другой мир.

– Чувствуешь? Тут совсем по-другому пахнет, и даже земля как будто другая, мягче. – Архип ковыряет землю мыском ботинка.

Мы раздеваемся, переходим через речку, держа вещи высоко над головой.

Из леса выходим на дорогу, которая соединяет поселок с заводом. Я с грустью вспоминаю нашу с дедом работу: плотина, площадь, песни и баян...

Поселок сильно разросся. Появились парки для отдыха, много пешеходных дорожек, детские и спортивные площадки, фонтан. Все такое чистое, ровное, гладкое. Все сияет и переливается.

Мы идем по тропинкам из красивых плиток мимо клумб и ажурных фонарей. Каждый дом, что видим, напоминает жилище гномов из сказки о Белоснежке. По стенам вьется плющ, у дверей стоят горшочки с цветами. Дома огорожены низкими каменными заборчиками.

Только утро, а поселок уже совсем проснулся. Открываются окна – люди здороваются друг с другом и желают соседям доброго утра. На разных языках, но в основном на русском и английском. Еще узнаю французские и немецкие приветствия – в свое время благодаря иностранным песням я познакомился с чужими языками.

Кто-то копошится в огороде, кто-то в саду пьет кофе и читает газету. Кто-то совершает пробежки. Вижу бегуна, у которого все вещи в одном цвете: синие наушники, синие кроссовки, синяя футболка, в руках – бутылка с водой, конечно же, с синей этикеткой.

Навстречу бегуну не спеша идет мамочка с коляской. То же вся модная: розовая коляска, розовая куртка.

Я будто попал в голливудский фильм.

Мы доходим до центральной части поселка – парка отдыха. На лавочках сидят люди в яркой одежде. Вокруг фонтана на велосипедах катаются дети. На газоне неподалеку от фонтана на клетчатых покрывалах отдыхают влюбленные парочки, что-то едят и пьют. Вокруг качелей с маленькой собачкой наперегонки бегают нарядная девочка. Мальчик в синей матроске ковыряет лопаткой в песочнице.

Я вдруг задумываюсь, что бы было, если бы мы с бабушкой жили здесь, а не в Чертоге? Выращивали бы цветы в горшках. Устраивали бы пикники. У нас было бы клетчатое покрывало и корзинка, которую мы бы наполняли всякими вкусностями. Мы бы завели собаку. И гуляли бы с ней в парке. Бабушка подарил бы мне скоростной велосипед. Может, моя мама не бросила бы меня и осталась здесь... И у меня был бы папа. У нас была бы большая семья.

Какая-то неприятная мысль зарождается в голове и сплетает себе там уютное гнездышко. Я напрягаю мозг, пытаюсь поймать эту мысль, но она забралась очень глубоко.

Все, что мы видим вокруг, – этих людей, совсем не похожих на нас, этот парк, эти дома. И все, что мы видим в Чертоге. От этого контраста как-то тревожно и неудобно.

Я замечаю, как люди вокруг оборачиваются и смотрят на нас. Мы чужие им, а они чужие нам.

В голове как будто произошел взрыв, который размазал мысли по черепной коробке. И чтобы понять, что именно на меня так повлияло, нужно разложить мыслишки по четким

кучкам. Но у меня не получается... Лучше не думать об этом и съесть леденец – благодаря Архипу у меня их полный карман! Грызу яблочную карамельку. Полегчало. Больше не хочется думать о тревожном.

Я гляжу на Архипа. Он хмуро смотрит на людей.

– Пойдем, – тяну я его за рукав. – Мы обошли весь поселок, тут больше нечего делать. Пойдем домой. Наши ждут.

Мы забираемся на пограничный забор, садимся на него лицом к поселку нефтяников. Внутри становится как-то пусто.

– Что теперь? – спрашиваю я, елозя пятками по забору.

Архип задумывается, достает шарик с белой краской, прокалывает его найденным в кармане шурупом. Выводит краской на верхушке забора наши имена:

Кирилл Бобров и Архип Бойко.

Мне нравится, что он написал мое имя первым.

Он встает на забор в полный рост.

– Прощальный подарок, – объясняет он мне. – Оставим еще один!

Я слышу звук расстегивающейся молнии ширинки.

– Присоединяйся – будем потом всем хвастаться, что нассали на землю богатых иностранцев. Все обзавидуются!

Я с радостью присоединяюсь к Архипу и встаю рядом – идея мне очень нравится!

Смотрю вокруг: в обе стороны до бесконечности тянется забор. Журчим, поливаем нефтяные земли. Лыблюсь во весь

рот — да, это то, что нужно!

У меня наконец получается сформулировать, о чем я подумал там, у фонтана, в Голубых Холмах. Я смотрел на ярких людей. На дорожки. На красный велосипед щекастого мальчика. На голубое платье девочки. На желтую лопатку малыша в песочнице.

И первый раз в жизни почувствовал, что я не один из всех.

Я никогда ничем не выделялся среди других. Я не бегал быстрее всех, не лазил по деревьям шустрее всех. Мои плоты никогда не выигрывали в соревнованиях. У меня никогда не было вещей, которые меня бы как-то выделяли среди остальных.

Я не пою, не танцую, не учусь лучше всех.

Я не толстый и не худой. Не высокий и не низкий. Глаза и волосы не темные и не светлые.

Я всегда держался в середине, был как все.

И тут. Вдруг. Я понял.

Я не самый обыкновенный ребенок.

Я не просто Кирилл Бобров и не просто десятилетний мальчишка.

Я — мальчишка из самого бедного района Чертоги. И это так далеко ото всех и так глубоко, что мне не выбраться оттуда.

Я вспоминаю недовольный взгляд Архипа, когда он смотрел на всех этих чистеньких людей. Думал ли он о том же самом? Не знаю. Но сейчас мы здесь, на высоте, на границе

между двумя поселками. Мы улыбаемся. Нам хорошо. Мы радостно поливаем Голубые Холмы и на короткое время чувствуем себя властелинами мира.

Глава 4

Мое десятое лето проходит зачупато.

Архип делает для меня классную рогатку, она бьет даже лучше, чем его. Теперь он за меня спокоен, с такой рогаткой мне никто не страшен во дворе. И теперь он больше не провожает меня до дома — это печально, мне нравилось, когда Архип меня провожал.

Мы объявляем войну Горынычу и его компании: надоело, что они чувствуют себя королями Старичьей Челюсти. Они запрещают гулять по территории района, но мы все равно там ходим, ведь сейчас нас на барже уже много, и мы наконец можем дать отпор врагам.

Поэтому в июле у нас первая официальная жарня с компанией Горыныча.

Вооружившись камнями, игрушечными пистолетами на пульках, палками и рогатками, мы отправляемся в бой.

Противники укрываются за баррикадами, наспех построенными из деревянных палет, обломков старой мебели и автомобильных шин.

Июль, стоит ужасающая жара, горят торфяные болота и плаваются мусорные кучи. От смеси едких запахов, горящего

торфа, пота и мусора до слез щиплет глаза.

Горыныч и его компания прячутся за своими заграждениями и целятся в нас из рогаток.

Мне немного страшно. Архип хлопает меня по плечу:

– Не бойся, братишка. Просто держись у меня за спиной и не высовывайся. На вот, съешь конфетку.

Я грызу лимонную карамельку – это немного успокаивает.

Братишка... От этого слова приятное тепло растекается по всему телу.

Камень, ударяющий мне в бок, выводит меня из размышлений, и я сосредотачиваюсь на битве.

В руках у меня рогатка, карманы набиты округлой галькой.

В нас летят снаряды. Архип обстреливает баррикаду противников из своей мощной рогатки, и вскоре враги понимают, что у нас явное преимущество.

Мы медленно продвигаемся вперед. Кто-то стреляет из пистолета с той стороны, и пулька попадает мне прямо в нос – чувствую, как по губам течет кровь.

Мы кидаем за баррикаду камни и куски кирпичей и слышим вскрики.

Мы пробиваем оборону и расстреливаем врага.

Грязные, в крови, вытираем сопли и смотрим, как противники, хромая, убираются прочь.

Это войны за территорию.

Нам предстоит еще очень много подобных сражений...

После нашего с Архипом похода в поселок нефтяников я начинаю замечать, что с ним происходят какие-то странные изменения, слишком уж много внимания он уделяет Голубым Холмам. Он все время упоминает их – оказывается, он часто отправляется туда один, нас с собой не зовет, что он там делает с утра до вечера – непонятно. Мы спрашиваем, но он отмалчивается. Только нет-нет да и скажет что-нибудь гадкое.

Однажды, когда мы на барже играем в карты, Архип говорит:

– Я тут побывал за забором. Видел девчонку одну. Ух и противная у нее рожа! Как вот у этой карточной дамы. Идет, нос задрала, фу-ты ну-ты. И на меня так посмотрела, как будто клопа увидела. Жаль, с ней родители были, а то ободрал бы ей косы.

В следующий раз он вспоминает Холмы во время похода в шахту, когда мы делаем привал. Архип достает из рюкзака перекус и вспоминает:

– Пацан такой щекастый там был. Пузо во как отвисло! – Он проводит ребром ладони по коленям. – Жирный, аж противно! Он один небось сжирает раз в десять больше еды, чем у нас с тобой сейчас на двоих!

Когда мы у него дома склеиваем самолетик из картона,

Архип бурчит:

– А эти иножопы своим детям покупают самолеты с радиоуправлением. Я недавно видел, как один в парке таким играет. И зачем им такие дорогие и сложные игрушки? Все равно тупые и все ломают. Представляешь, он свой самолет в фонтан загнал, тупица.

Я молчу. Я никогда не слышал ни от кого из наших это слово – иножоп. Оно смешное и мне нравится. Но наверняка Архип не сам его придумал, а подхватил у кого-то из взрослых – может, у своего отца, – как перенял и нелюбовь к жителям Холмов.

А однажды поздним летним вечером Архип приходит ко мне и зовет пойти с ним в Холмы.

– Зачем? – удивляюсь я. – Зачем ты все время туда ходишь? Там же скучно.

И каждый раз, когда он ходит в Холмы или вспоминает о них, у него портится настроение. Он потом долго хмурится и злится. Зачем делать то, из-за чего расстраиваешься?

Мне не хочется выходить из дома, ведь уже поздно и я только помылся.

– Увидишь, – загадочно говорит Архип.

Я заглядываю в комнату дедушки. Оттуда раздается храп. Тяжело вздыхаю. Делать нечего, с Архипом нельзя спорить. Я не понимаю, почему мы идем так поздно, но раз Архип позвал, значит, так надо.

На этот раз мы идем через плотину: делаем небольшой

крык, зато не надо лезть в воду. Уровень воды в реке упал, и на плотине почти совсем сухо, мы даже ноги не замачиваем.

На улицах поселка нефтяников совсем нет людей, наверное, все сидят в своих теплых уютных домиках. Фонари освещают пустые дорожки. Архип ведет меня по улицам, высматривает что-то во дворах.

– Что мы ищем? – спрашиваю я, размахивая руками и изгибаясь, чтобы тень на асфальте стала похожа на какого-нибудь горбатого зверя или длинноносого великана.

– Вот он! – Архип останавливается у одного из домов, к стене которого приставлен красный велосипед.

Я его узнаю – на этом самом велосипеде в парке катался щекастый мальчик, когда мы с Архипом здесь были в прошлый раз.

Архип оглядывается по сторонам, быстро хватается за руль и убегает прочь с катящимся рядом с ним велосипедом. Я мчусь за ним, ничего не понимая.

Мы выходим из поселка в лес. Архип останавливается, бросает велосипед на землю, достает из рюкзака бутылку с какой-то желтоватой жидкостью и спички. Он поливает велосипед из бутылки. В нос бьет запах керосина. Архип бросает зажженную спичку на велосипед, и я с восторгом наблюдаю, как разгорается огонь, как чернеет и вспучивается краска, как плавится и течет резина на колесах.

– Зачем? – шепотом спрашиваю я.

– Он не заслуживает такого велика, – злобно шипит Ар-

хип. — Эта жирная ленивая свинья. Он не заслуживает. Никто из этих детей не заслуживает того, что у них есть, это место слишком хорошо для них. Они думают, что они лучше нас, но это не так. Мы им это докажем.

Я не до конца понимаю Архипа, но у меня в голове в своем гнезде снова зашевелилась мысль, которая обосновалась там с предыдущего похода в Голубые Холмы.

И кажется, она снесла там яйцо, из которого вылупились новые мысли. Я уверен, что Архип думает о том же, и эти мысли портят ему настроение.

Те, кто здесь живет, обладают каким-то преимуществом. Оно позволяет им свободно перемещаться туда, куда они захотят, иметь все, что захотят. Но как они его получили? За что? За хорошие оценки в школе? За то, что каждый день убирают дома и моют посуду после того, как поедят? Выносят мусор? За что? Почему все вокруг — солнце, вода, воздух, весь мир — для кого-то другого, не для нас?

* * *

Следующие два года проходят довольно спокойно и обычно.

Наша баржевая команда растет, Архип принимает новичков. Нас становится много, и я даже в шутку говорю, что Архип набирает себе армию. Откуда я мог знать, что это окажется правдой...

Немного меняются интересы. Помню день, когда кто-то притащил на баржу мужской журнал. Через время к нему прибавился еще один и пара банок пива, еще через время – пачка сигарет.

Мне не нравятся такие журналы: девушки в них кажутся мне слишком толстыми и большими. Скучно их листать. Сигареты для меня слишком едкие – я от них кашляю. Пиво на вкус кажется горьким.

Я думаю, что большинству мальчишек на барже тоже не нравятся эти новшества, но они с сигаретой в зубах терпеливо листают журналы, изредка прикладываясь к банке пива. Они подражают взрослым ребятам, думают, так выглядят солиднее. Но я смотрю на них, на всех этих прыщавых цыплят, которые еще недавно шнурки сами не умели завязывать, и мне становится и смешно, и грустно.

Двенадцатая осень приносит мне огромный сюрприз. Начинается учеба, я перехожу в пятый класс.

Школа. Вдыхаю прекрасные, такие родные ароматы: запахи мела, краски, потных кроссовок и гнилых рам.

В этом году в нашей школе принимают какую-то социальную программу и отбирают десять счастливичков. Самых умных детей из разных классов переводят в школу в Голубые Холмы. Последний месяц все только об этом и галдят. Кто-то от души рад за избранных, задумался, что это шанс, и теперь сам больше времени уделяет учебе; кто-то, как Архип, считает их предателями и начинает травить. Архип застав-

ляет нас — всю свою компанию — делать им гадости. Мы называем их по-разному: предатели, перебежчики, продажники — за то, что продались за бесплатные завтраки. Мы подлавливаем их по дороге к Голубым Холмам, встречаем у ворот на границе после школы, делаем все, чтобы наказать перебежчиков за предательство. Мы всегда их преследуем, кричим вслед обидные вещи, кидаем камни. Здесь, до границы, они беззащитны, но, как только они пересекают пограничную черту, им уже ничего не угрожает. У них есть пропуск, а у нас его нет. Мы стоим и смотрим, как там, за чертой, их подбирает желтый автобус и вместе с другими детьми везет в новую школу. В лучший мир, прочь от грязи и жестокости. А мы уходим, чтобы прийти к границе снова, когда кончатся занятия. Поджидаем жертв.

Мне не нравится то, что мы делаем, но я не могу сказать об этом Архипу. Я не разделяю его злости, радуюсь за счастливых и вовсе не считаю их предателями. Только в угоду Архипу тоже кидаю камни, когда мы преследуем перебежчиков, но нарочно кошу вбок, чтобы никого не задеть. И кричу громче всех.

Они идут группкой, понутив голову, прикрываясь руками. Молча. Они теперь всегда здесь молчат. Ходят как призраки и тени: ни живые, ни мертвые.

Когда мы идем за ними, я всегда думаю о том, что сейчас происходит у них в головах. Ненавидят ли они нас? Считают ли себя виноватыми?

Холмы меняются. Там уже все достроили, народу теперь там целый улей.

В Холмах построили маленький стадион, небольшой спортивный комплекс, торговый центр. У них теперь даже есть роллер-парк.

– Хей! – кричит Архип вслед перебежчикам во время очередного нападения. – Игорек! Я знаю, что твой батя взрывник на шахтах. Как ему в глаза соседям теперь смотреть? Небось стыдится своего сына, который готов за бесплатные завтраки американские дороги лизать. И французские ботинки. И немецкие задницы. Ха-ха!

Архип очень доволен своей шуткой. Он повторяет слова про бесплатные завтраки и лизание, добавляет что-то про шведские унитазы, итальянские канавы и английские горшки.

Я смотрю, как Игорек – низкорослый худой парнишка с копной рыжих кудрявых волос – быстро-быстро перебирает ногами-спичками и закрывает голову портфелем. Очень умный мальчик, Игорек младше меня на год, ему сейчас одиннадцать. Он учился в одном классе со мной... Мы не дружили: Архип зорко следил за тем, чтобы члены его команды водили дружбу только между собой. Но Игорек мне нравился. Я всегда был в полном восторге от того, какие классные фокусы с самодельными петардами и ракетами он устраивает за школьным двором.

– Ты чего прохлаждаешься? – Архип грубо пихает меня

локтем. — Ты еще ни одного камня не кинул! На вот, держи, — протягивает он мне большой камень с острыми краями.

Мне не хочется его кидать, но я все равно это делаю и попадаю Игорьку прямо по портфелю. Я не мог скосить — слишком маленькое между нами расстояние, а Архип следил за моим броском. Так что я целился в портфель, чтобы не навредить Игорьку.

Очень довольный моим броском, Архип побуждает меня кинуть еще камень.

И еще.

Вечером я делаю домашнее задание. Решаю задачу по математике.

Из тарелки Катя взяла половину слив. Второй раз Катя взяла еще половину. После этого осталось двенадцать слив. Сколько всего слив лежало в тарелке? И сколько слив взяла Катя?

Хм. Я определенно учусь в классе для дебилов. Дристать Катя будет дальше, чем видит, вот мой ответ. Она же тридцать шесть слив слопала.

Мне не нравится учеба, все, что мы проходим, кажется слишком легким, и лень тратить свое время на расписывание задач, которые в уме можно решить за секунду.

Я откладываю ручку и задумываюсь. Думаю о том, что сегодня произошло. И о задачке по математике. Учеба дается мне легко. А что, если... Вдруг я попаду на следующий год в десятку счастливичиков? И меня переведут в школу в Хол-

мах? Ведь было бы круто?

Они берут тех, у кого отличные оценки по математике, русскому языку и кто хорошо знает английский.

Я подхожу по этим критериям. У меня есть шанс.

Взрослые в Чертоге любят мечтать: мой сын станет адвокатом. Моя дочь станет врачом. Мои дети вытащат нас из бедности, и нам не придется больше работать... Это все пустые слова. Наша школа не дает хорошего образования, и большинство учеников не видят смысла стараться. Зачем? Все равно те, кому повезет, после школы попадут на шахты. А те, кому не повезет, просто растворятся. Мало кто переходит в девятый класс, большинство бросают школу после восьмого. Ведь надо помогать родителям, семье. Но теперь. Теперь у некоторых из нас действительно появился шанс.

Поймет ли меня Архип? Думаю, да. Все эти преследования – они кажутся мне ребячеством. Пора повзрослеть и просто принять, что если кто-то стремится к лучшему, то он этого достигнет. Кто топчется на месте, тот и дальше будет стоять на месте.

Я не такой. Я не хочу топтаться на месте.

После математики я беру учебник английского и делаю несколько дополнительных упражнений, которых нам не давали.

Архип поймет. Я уже представляю, как все будет. Он встречает меня у ворот после школы, мы идем вместе домой, я рассказываю о том, как интересно прошел мой день в но-

вой школе. Архип протягивает мне мятный леденец, а я угощаю его какой-нибудь вкусняшкой, купленной в Холмах.

А потом. Я смогу подтянуть его по учебе, и он попадет в третий десяток счастливичков. Мы начнем хорошо учиться, и потом нас возьмут на хорошую работу. Мы купим два стоящих рядом одинаковых домика в Холмах и станем соседями. По утрам будем вместе ходить на работу.

Архип поймет. Он мой друг. Он порадует за меня. И как всегда, мы будем вместе.

Архип Бойко и Кирилл Бобров.

Архип и Кирилл.

Кирилл и Архип.

Это никогда не изменится.

* * *

Архип прививает нам какие-то странные идеи. Мы пока что не сталкивались с таким и не знаем, какое название этому дать.

На барже ужесточились правила: теперь каждый новичок должен проходить посвящение. Наша команда постепенно превращается в банду, и мне это не нравится. Архип берет в команду самых злющих мальчишек из бедных семей и промывает им мозги: убеждает, что во всех их бедах виноваты те, кто живет по ту сторону забора. Посвящение обычно для всех одинаковое. Новичок должен перелезть забор и сделать

в Холмах какую-нибудь гадость – сломать качели, взорвать почтовый ящик, наложить кучу в цветочный горшок.

Новичка должен сопровождать кто-то из старожилов для того, чтобы убедиться, что задание выполнено.

Однажды майским вечером Архип тайком приходит ко мне, зовет меня на плотину.

Мы подходим с ним к забору у плотины и прячемся в кустах.

– Чего мы ждем? – интересуюсь я.

– Тс-с... Тихо! Скоро узнаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.